

ВОЛЬДЕМАР ГОРХ

*70-летию Великой Победы
посвящаю*

ВОЙНА, ВОЙНА...

Стихотворения

Кемерово, 2015

~ 1 ~

Без слёз о войне говорить невозможно...

Автор

***«Кто сказал нам, что жизнь надо
оценивать при помощи смерти, а
смерть при помощи жизни?»***

Морис Метерлинк

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Держу в руке бокал вина,
Чтоб выпить за Победу,
Держу в руке бокал вина,
Чтоб поклониться деду.

Держу в руке бокал вина,
Что пили за Победу,
Где было логово врага,
Как раз то было в среду.

Второй бокал налью я сам
И выпить приглашу за мам,
Что мёрзли, гибли здесь в тылу,
Всё отправляя на войну.

А за отцов мы выпьем стоя,
Помянем тех, кто не дожил,
И тех, что выбило из строя,
Кто жизнь короткую прожил.

За Победу выпьем снова
У обелисков и крестов,
Без отутюженного слова,
Поклянёмся бить врагов.

Ещё в одном мы поклянёмся:
Стране вернуть былую мощь,

К братству бывшему вернёмся,
Чтоб мирно всем везде спалось.

* * *

Трижды залп ударит в небо,
Непрошено польёт слеза,
На рюмочку положим хлеба,
Русь поминала так всегда.

ВОЙНА... ВОЙНА...

В июне не было дождя
И градом колос не оббило:
Богатством полнилась Земля
И солнце ласково светило.

Рассвета луч блеснул в тиши,
Когда ещё все мирно спали.
Не ведали тогда все мы,
Что дни кровавые настали.

Земля в то утро ввысь взметнулась,
Не выдержав огня,
В свинце и громе закружилась
Её былая красота.

И вот уже лежит солдат,
Сраженный пулей автомата,
И тысячами гонят в Ад:
За грех других – живая плата.

Кровавый след в дыму пожарищ,
Проложила Орда
И небо разом закрестила
До старого Орла.

Рыцарям другого клана –
Нужна была Москва,

Порабощённый наш народ
И наша вся Страна.

Со всех сторон пришли полки –
Вступили сразу в бой
И отогнали от Москвы
Врага под смертный вой.

Нас умирать заставил враг
И этим месть зажѐг.
Силы все собрав в кулак –
Бил каждый там, где мог.

Солдаты бились на фронтах,
Колхозники в тылу,
И погибали в тех боях,
Не покоряясь врагу.

Никто ведь до сих пор не знает,
Сколько люда там легло,
Историки лишь вспоминают
Приблизительно число.

Воронье летит сюда,
Черня крылами погребенье
И без зазренья и стыда
Прокричат своё моление.

Поднимитесь из могил, сыны!
Сойдите с пьедестала!
Сомкните вновь свои ряды
Чтобы войны не стало!

ГОРОД НАД БУГОМ

Городок у Буга спал,
Цветные видя сны.
Городок у Буга спал,
Не ведая беды.

Но рано, рано на заре
Огнём всё полыхнуло:
Реально, не во сне,
Небо гарью затянуло.

Стоны, крики: всё смешалось,
В этой дымной мгле.
Безумно женщина смеялась,
У дома на крыльце.

Из штаба выбежал комбат,
Стреляя на ходу.
Без сапог скакал солдат,
Бросаясь в эту мглу.

Под свистом пуль, под воем мин,
Бежали кто – куда.
Война сняла свой мирный грим
Под звон чужого сапога.

Фашист наш мирный город взял,
Разорил дома.

Он тогда ещё не знал:
Расчёт придёт сполна.

...В город наш пришла весна,
Счастье подарив, и силы.
Всё, что разрушила война,
Пленными восстановили.

* * *

У Буга мирный город спит,
Цветные видит сны ...

ИСПОВЕДЬ

Мы из поколения тех,
Кто знал беду не понаслышке;
Мы из поколения тех,
Где не было чужих и лишних.

Нас общая Беда сплотила,
Когда на фронт ушли отцы
И мы: отсюда, с тыла –
Им помогали, как могли.

Кто-то утром, под гудок, –
Со всеми шёл на проходную,
А кто-то, под собачий лай, –
Торил тропу совсем иную.

Когда чуточек повзрослели,
И вышли на Парад –
Глаза отцов на нас смотрели:
Не вернувшихся назад.

Когда совсем мы подросли,
То космос, атом укрощали,
Пахали земли целины,
О светлом Будущем мечтали.

Нас приучили к дисциплине
И мы шагали твёрдо в Даль;

Как мать заботится о сыне –
Мы Родину крепили в сталь.

За всё, что было - мы в ответе,
За то, что стало, и потом,
За то, что и на этом Свете –
Кровавый корчится излом.

Мы честно Родине служили,
Мы защищали свой Народ,
Но лицедейство упустили,
И нет движения вперёд.

Пока мы живы, – наши дети,
Ошибки жизни исключая, –
Коварные минуют сети
И Звёзды снова засияют.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

(в память о блокадном Ленинграде)

Сколько славы в тебе, Ленинград!
Сколько горя в тебе, Ленинград!
На костях ты стоишь, Петроград –
Стон венчает Творенья Парад!

Трезини воплотил проект –
На островах построил город:
Красой Земли он стал навек
И звездным городом – Героем.

Цари кружили здесь балы,
Наука с Верой были рядом:
Русь выходила с вечной мглы –
Под пристальным Петровым взглядом.

Проспекты, улицы твои –
Объединенные мостами:
По островам и вдоль Невы –
Величие скрепили сами.

Тебя кроили, лицевали –
Всем Правителям в угоду,
И название меняли,
Но не сломили дух народу.

Памятью тех бурных дней –
Замер крейсер у причала.
Куда бежать при артобстреле –
С фасадов надпись извещала.

Ты падал, умирал, стоял –
Для потомков – та награда:
Красы своей врагу не сдал,
И Невский засиял нарядом.

Я верю в это – без сомненья,
Что Питер силы соберёт,
И как Звезда – объединенья -
Россию к Славе приведёт.

САГА О МАРШАЛЕ ЖУКОВЕ

В красивом месте – у пруда,
Сидел задумчиво старик:
Печалью наполнились глаза,
Но мудростью светился лик.

Мелькали лица, города,
Провалы первых дней войны:
Как корчилась в огне страна
И гибли сотнями сыны.

Под гнетом Сталина – тирана,
Собрал Сибирские полки:
Разбил могущество тарана,
Погнал фашистов от Москвы.

Он был Стратег и Воевода,
Бесстрашно возглавлял фронты;
Он помнил всех – до командира взвода,
И с кем прошел пути войны.

Вот уже Берлин у ног
И развалины Рейхстага;
Подвел фашистам всем итог –
Подписана для них бумага.

Он не только воевал,
Хотя то было его страстью,
Любить и женщин успевал –
С ними он стремился к счастью,

Народным полководцем стал,
О чем вещала вся Европа,
Но Вождь от этого не спал
И маршала сослал далеко.

Его запомнила Одесса,
При ликвидации жулья.
Сибирская писала пресса,
Как он готовил здесь войска.

Его соратников – военных,
Пытали, мяли в лагерях;
Стране – правителей бессменных,
Власть нужна была «в руках».

В Москве скончался Вождь – народа,
И началась борьба за Власть;
Просили Маршала, как Бога,
Прижать правителям всем страсть.

То были жаркие деньки:
Министром стал, войска расставил,
Ночью поменял посты,
Власть Хрущеву дал возглавить.

А женщин баловал немного,
Но, как Любовь не баловать?
Когда целуешь у порога –
Ну, невозможно устоять!

Вспомнил вдруг глаза любимой,
Как провожала на борьбу:
Она была тогда ранимой,
Но не кляла свою Судьбу.

Ему опять светила Слава –
Заслужено и по труду,
Но Хрущеву – то «отрава»,
И предал друга «на корню».

Его пытались гнуть, ломать,
Но он – российского замеса,
Смог под этим гнетом встать,
Но плотная была «завеса».

А люди помнили его –
Вопреки цековским Бесам;
Они молились на него –
По городам и дальним весям.

Герои вдруг не умирают, –
Они ведь в памяти крепки,
Их в поколениях вспоминают,
Они всегда и всем нужны.

* * *

К скамейке дальней – у пруда,
Тихонько женщина подходит,
Целует нежно муженька
И взявшись за руку, уводит.

МЫ СТАЛИ ВЗРОСЛЫМИ ДЕТЬМИ

На всей земле нас было двое –
Мы были взрослыми детьми;
На пристани прощались стоя,
Под одобрение толпы.

Мы были взрослыми детьми
И в любви своей признались,
Мы ведь не ведали грозы,
Когда под утро расставались.

День испытания настал -
Суровым громом канонады;
Никто из нас еще не знал –
Жестокость Питерской блокады.

Когда прожекторов лучи –
Вражий самолет ловили,
Последний раз простились мы:
Фронт с ополченцами делили.

Хлеба пайку мы делили –
Детишек отправляя в тыл:
«Дорогой жизни» увозили –
Стараясь из последних сил.

Когда ж вернулся в Ленинград –
В отпуск – «на поправку»:
Развалин я увидел ряд,
Да хлебную пустую лавку.

Своей любимой не нашёл,
Даже в списках на отправку,
С этим вновь на фронт ушел
И жизнь там сделал ставкой.

Как выжил в этой чехарде –
Одни лишь Боги точно знают;
Нас можно отличить в толпе:
Седые головы мелькают.

Завтра вновь уйду к вокзалу,
Буду возвращенцев ждать;
Затем опять вернусь к началу
И вновь искать, искать, искать.

Возможно, милой предлагали –
В тыл от голода уйти,
Но многие еще не знали:
Мы стали взрослыми детьми!

ПОКОЙ ЗЕМЛИ

Хмурым днем, осенний ветер,
С осины желтый лист сорвал
И подчиняясь тяготенью
Тот лист к корням её припал.

Он падал рвано: – тревожно словно,
В полете золотом блеснул,
На землю же улегся ровно,
Как верный щит, и там уснул.

Следом падали другие
И кру́гом рядышком легли,
Изгибаясь, как живые –
Покой земли тем берегли.

Похоже, так – же в 41-ом,
Солдаты падали в бою:
Закрыв телами свою землю,
Спасая этим всю Страну.

КОЛЫМА

Давно живу я без отца,
Нет и брата у меня:
Всех проглотила Колыма;
Мой тот – же путь лежит туда.

Сюда их тучами сгоняли:
Безбородых и седых,
Они тогда еще не знали,
Что нет пути назад для них.

Был у фашистов плен не раем,
Но надежда все ж была;
Здесь смерть воспринималась раем
И ею корчилась земля.

Этапом гнали и меня,
Но внезапно остановка:
Из колонны вывели тогда
И руки завернули ловко.

Скороговоркой осудили:
Оказалось, что я враг,
(К пятнадцати приговорили),
Но им я быть не мог никак.

Долго золото мы мыли,
За граммы, отдавая жизнь,
Теперь же это все забыли:
Правители все сверху вниз.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Полк развернулся сразу в лаву,
Приняв встречный бой врага;
Победой не делили славу,
Рубились насмерть, до конца.

Не удержал удар казак -
Косого выпада врага;
Сражаться видно был мастак,
Но тут же пуля догнала.

Нелепо замахав руками
И выронив клинки –
С коней упали рядом сами:
Чубатые орлы Страны.

Когда уж вороны кричали,
Остатки сил собрав в душе,
Нательные кресты достали,
Зажимая их в руке.

Лежат на шляхе у станицы –
Сыны одной семьи;
Пыль вдалеке ещё клубится
И шепчут губы: «Брат, прости ...»

РАССКАЗ УЗНИКА

Кто не был здесь, тот не поймет,
Как тяжело видеть небо в клетку,
И как из года – в год
Седина дает отметку.

За что мне дали десять лет?
За что так, «тройка» осудила?
Лишь ночью снится мне ответ:
«Кровь другая в твоих жилах».

Да! Кровь другая – это факт,
Уверен чище, благородней,
Но какой я «к черту» враг?
Да и не был с ними сводней.

Заметил я – сюда в Кресты –
Всё врагами заполняют;
Числом с годами возросли,
Хотя в подвалах их стреляют.

С воли весточка пришла:
В Сибирь «врагов» всех отправляют,
И, как в былые времена, –
По лагерям их распихают.

За «Слово» – карцер иль расстрел,
Что почти одно и то же:
Если выжить все ж сумел,
То расстреляют чуть попозже.

Ну, ладно б мы – ученый люд –
Где-то, что-то наболтали,
Но военных все везут:
Неужто без войны – они врагами стали?

...Уже два года в Сусумане –
Мою золото зимой,
Чуть лучше было в Магадане –
Там чай давали нам порой.

«Урки» весточку добыли:
Бои идут уж под Москвой;
Из нас здесь формируют «силы» -
Столицу заслонить собой.

Я завтра же пойду «на запись»,
Затем наверно кинут в бой:
С врагом я буду биться насмерть,
Пусть даже голою рукой.

...Нас на стык полков загнали,
Дали спирта, сигарет;
Не отступать! – нам приказали:
Сзади смерть и хода нет.

Я не молился, не крестился –
Принял с честью первый бой:
Я, как «враг», с врагом сразился –
Смерть прошмыгнула стороной.

И все же в плен я угодил –
Под самый занавес войны;
Трибунал меня судил,
Хотя в том не было вины.

Снова я сижу в Крестах –
Теперь уж за измену;
Верю, будет власти крах –
Нормальные придут на смену.

НА ВОЙНЕ НЕТ АТЕИСТОВ

Мы все молились перед боем –
Командир и рядовой:
Слова глушились смертным воем -
Молитвы не было иной.

...Пуля кольнула сердце в груди,
Небо не видят глаза;
– Прости меня, Боже! Душу прими! –
Шептали, бледнея уста.

...Рванул снаряд у блиндажа –
Похоронив там всех:
Сквозь стон доносятся слова –
Земной простить им грех.

...Снайпер выцелил комбата,
Похоже, долго сторожил,
Качнулся, обхватив солдата:
– Боже! Я так мало жил!

...Солдат-узбек молил Аллаха –
Живым вернуть его домой;
Лицо не отражало страха –
Хотя то был последний бой.

Атака начиналась с мата,
Им кроили всех и вся;
Поймав же пулю автомата –
К Господу неслись слова.

ПУТИ-ДОРОГИ

Я шёл, спотыкаясь о судьбы и время,
Теперь же, у края черты:
Друзей вспоминая, врагов проклиная,
От бездны пытаюсь уйти.

Видел я горе, – что море,
Голодных детей, нищету,
Женщин, униженных в ссоре,
Расстрелянных в дальнем логу.

...Этапы я видел с конвоем,
Кровавый их след на снегу;
Ещё испытал я такое –
О чём рассказать не могу.

...Помню тропиночку в гору,
Беленький дом у ручья:
Любовь расцветала в ту пору –
Девушка к ночи ждала.

...Пришлось мне в жизни повстречаться
С коварным замыслом льстецов,
Таких же, как они, – отцов,
И с целой группой подлецов.

Судьбу свою не торопил,
С друзьями горе разделил,

А тем, кто выбился из сил –
На помощь тут – же приходил.

Бывало так, - что падал вниз:
От подножки, иль удара,
И снова вверх – без всяких виз,
Со злом - без мести, без угара.

Особо помнится война:
Народ кругом стонал;
Вздымались руки к небесам,
Но Бог тогда молчал.

Солдата видел с костылем
(Он задумчиво крестился):
Возможно, думал о былом,
Иль за погибших он молился.

Не раз смотрел на буйство вод –
В моменты ледосплава
И в этом видел наш народ:
Могучим, но без права.

Мне часто снится наш барак,
Где было общее в два ряда,
Буржуйку в центре – наш тепляк
И шуба – общая награда.

Пока по жизни я шагал,
Не считая годы,
Людей различных повстречал
И пережил невзгоды.

С вершины убежавших лет –
На мир смотрю особым взглядом:
Поёт гармонь моя в ответ,
О тех, кто был когда-то рядом.

ОТКРОВЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТНИКА

Мы их учили воевать:
Как отбиваться, наступать,
Как можно быстро появляться
И так – же быстро исчезать.

Обучали тех и этих:
Полудиких и раздетых;
Они же с верой напоказ –
Гибли, бились сотни раз.

В хижинах больших и малых,
Ценным был наш автомат.
От малых и очень старых:
Не редко слышал русский мат.

Здесь «Калаш» наш вместо Бога,
Встретит оком у порога
И в спину долго смотрит он –
Своим прожорливым зрачком.

Что вершилось в этом месте –
Нам, – то было все равно:
За это – «что-то» бились вместе –
Контрактом так оговорено.

Под «подписку» нас послали,
Доллары большие дали:

Суммы эти нам не снились –
За это в джунглях и трудились.

Гибнуть здесь мы не должны:
Ведь мы солдаты – без Страны;
В одежде местных воевали,
Пленить себя не позволяли.

Когда ты видишь нищету,
Рахитную всю детвору,
А чашка риса, как монета –
Нет на это все ответа.

За это видно нам и платят,
Чтоб мысли наши удержать
И если улетим отсюда,
Об этом нужно умолчать.

Таких, как мы, - довольно много -
На территориях чужих:
Задачи выполняем строго -
Для политиков своих.

Мы всех учили хорошо
И вооружали про запас,
Не дай, Господь, чтоб это все –
Не обернулось против нас!

НЕПОКОРЁННОСТЬ

Порой прошу свои года –
Память не губить
И унести меня туда,
Где не пришлось пожить.
Ведь, там, на круче - у реки:
Лежат мои деды;
Холмы надгробий не видны
И сгнили все кресты.

Я, ведь, тоже там родился:
В садочке у реки
И отец мой там женился,
Не ведая беды.

...Стук колес мне часто снится,
В людской сливаясь вой
И мать, как раненная птица,
В попытке заслонить собой.

В Сибирь далекую сослали
Еще «врагов» к другим «врагам»,
Где мы полностью познали –
Унижение и срам.
Стонет тут людское море,
А мертвых уж не счесть;
Спрессовали ум и горе,
Буд-то эта чья-то месть.

Я видел трупы заключенных
В логу, когда растаял снег :
Там сотни их непогребенных;
Кол с номером один на всех.
Сибирь корежила, губила –
Мстя за чей-то тяжкий грех;
Ее надолго поделили –
Одну единую на всех.

Их было мало уцелевших:
Познавших каторгу сполна
И понять так не успевших –
В чем их была вина.
Пока «верхи» врагов искали –
Власть пытаюсь сохранить,
Угнетенные внизу восстали,
Сумели строй похоронить.

* * *

Я тоже был со всеми вместе –
В те суровые года
И скажу я Вам по чести:
«За волю бейтесь до конца!»

СОЛДАТАМ ВОЙНЫ

Врежься в память на века:
Время горя, время смерти,
Чем так щедра война –
В своей кровавой круговерти!

На поле брани полегли –
Еще безусые солдаты:
Исполнив долг свой – как могли,
Обняв пустые автоматы.

Забьется в крике, где – то мать,
Всплакнет украдкою невеста;
Закрепится седая прядь,
Как похоронная повестка.

Война же требует все больше:
Жизней новых, молодых,
И расставанья будут горше,
И громче будет плачь родных.

Войска все гонят, гонят, гонят:
Идут составы и полки,
А в тылу народ весь стонет
От прожорливой войны.

Могильные холмы равняют:
Суровый ветер, буйный град,

Травой окопы зарастают –
Забвенью, придавая лад.

* * *

Памятью своей прославим –
Тех, что в землю полегли;
Не ошибемся, коль поставим –
Кресты от Бреста до Москвы!

ПАМЯТНИК ГЕНЕРАЛУ СКОБЕЛЕВУ

Давно на площади у Храма,
Памятник поставлен был.
Смотрелась, в общем, панорама,
Как единство русских сил.

Там на строптивом скакуне,
Сидел российский генерал:
Его запомнили все в Хиве,
Болгары, коих защищал.

Но вот пришла другая Власть
И памятник убрали.
Историю нельзя украсть,
Что бы даже не мечтали.

До сих пор болгары чтут,
Всех россиян на Шипке,
На верх горы цветы несут,
По ступеням хлипким.

А в Плевне памятник стоит,
Генералу в белом;
Ему не нужен другой вид -
Он в бою был самым смелым.

В Венгрии чтут королей,
С аллеи их не убирают,
Там при смене всех властей -
Никто их не ругает.

Я верю, что пройдут года
И памятнику снова жить,
Напишется истории строка –
Не может по другому быть!

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ КОЛЧАКА

Со скрипом открылись ворота тюрьмы,
Мороз в это утро крепчал,
Его повели на берег реки,
Где был тот последний причал.

Надрывно в то утро колокол бил,
Крест засветился вдали.
Вчера на бумаге он жизнь изложил,
Без всякой на то суеты.

На предварительных допросах
Интересен был вопрос:
- Как он: моряк-учёный –
До палача дорос?

На все вопросы он ответил,
Писал до самого утра,
Двойной чертой строку пометил:
«Присяге верен до конца».

Он не жалел кровавых красок,
Не искажал и действий суть,
Без лицемерия и масок,
Изложил свой «сибирский путь».

А всё, что делал он и прожил,
Как флотоводец - адмирал:

К ногам Отечества положил,
И жизнь свою ему отдал.

Прорубь Ушковки смотрела в лицо,
Винтовок прожорливый взгляд,
В воду столкнули штыками его
И удалился наряд.

ЭТО ВРЕМЯ ПРОКЛИНАЮ...

Из прошлого запомнил навсегда:
Прощальный взмах платка, колючку
на окне,
Конвойных мат, плач матерей
И рвущий душу крик детей.

Помню паровоза свист,
Осины тёмно-красный лист,
Что ветром занесло в окно,
И как кровавое пятно,
Всех облетев и побледнев,
Опять назад нырнул в окно.

На полустанках, в тупиках,
Снимали мертвецов,
Поспешно хоронили их
Без обряда и крестов.
Крест в записях поставят,
Пометят место наугад
И дальше в тыл,
Где ближе смерть
И нет пути назад.

Вагон наш бросили в степи,
Охранники тот час ушли.
Теперь нас охраняла ночь –
Под завывание пурги.

А утром все мы побрели:
К сараям, что видны были
Не все дошли, не доползли.
В пустой овчарне нас нашли.

Ещё я помню наш барак,
Буржуйку у окна:
Её калили до красна,
Но не хватало нам тепла;
Была она на всех одна,
Но всех была одна.

Прошли года и боль ушла,
Но плещет память иногда
О том, о чём забыть нельзя
И стереть уже нельзя!

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Куда летите, вороны,
Навстречу ветрам и снегам?
Зачем плывёшь, моя Россия,
К чужим враждебным берегам?

Всем путь сменить бы нужно,
И осадив лихих коней,
Взяться б за работу дружно –
Во благо Родины своей.

Там: за тайгою, за морями,
Чужая сила ждёт тебя.
Рвать будут не кусками
И не осадить уже коня.

Много раз в тебе пытались –
На вотчины всё поделить,
Но люди ведь тогда не сдались
И продолжали вместе жить.

Но как же так? Скажи на милость! –
Сумели всё же разорвать,
Что годами закрепилось,
Даже враг не смог отнять.

Верни, Россия, все богатства,
Что за границу увезли,

Вернись к утраченному братству,
А разорителей – гони!

Сменишь курс – твоя Победа,
А не сменишь – не взыщи:
Ждёт пиррова тебя победа,
Под ликование «толпы»!

ЛИШЬ ТРУБЫ ОТ ПЕЧЕЙ СТОЯТ...

На Русь опять пришла беда,
как в сорок первый год:
Горят леса, горят дома
и стонет вновь народ.
И как в войну – лишь трубы в ряд,
как от дождя грибы
И так-же, как тогда в войну –
кресты, кресты, кресты.
Сгорели нивы и сады, горят везде хлеба
И утонула вся в дыму красавица Москва.
А толстосумы и чины ударились в бега
Забыв про всё, про свой народ, - где
общая беда.
История помнит: пожар на Руси –
предвестник длительных смут.
Их ведь не даром в храмах, церквях –
карой небесной зовут.
И кликнет Российский народ: за
счастье бороться идти,
И горе тому, коль перельют
орала обратно в мечи.

ИСПОВЕДЬ ФРОНТОВИКА

Там – у контрольной полосы
В «секрете» долго я лежал:
За спиной была Россия
Покой её я охранял.

Под утро дымом потянуло,
По небу прокатился звон
И разом вдалеке рвануло –
Донесся огонь и стон.

Связь прервалась. Я был один –
На краешке Страны,
С «Максимом» верным принял бой
У жизненной черты.

Землёй от взрыва закидало,
Танк окопчик мой сравнял,
От гула поле лишь стонало,
Да из могилы ствол торчал.

Поляки ночью откопали,
Спирта влили мне глоток,
Хлеба на дорогу дали,
И указали на Восток.

Долго скитался по хатам:
В поисках хлеба, воды;

Ткнули в живот автоматом
И молча в лесок отвели.

В лесу десятка три скрывалось:
Израненных, в пыли,
Всё, что от полка осталось -
В утробе проклятой войны.

Совсем оглохший капитан
Роли нам сумел внушить:
Кому вперёд идти разведкой,
Кому-то мёртвых хоронить.

Так, по оврагам и лесам
Мы шли на грохот канонады:
Надеялись на встречу там,
Идущих к нам, с фронтов, отряды.

Вот уже не слышим пушек
И только яркий небосвод:
Нам, уставшим, измождённым –
Надежду слабую даёт.

Вёрст десять лесом прошагали,
Укрылись в камышах реки.
С трудом нас утром растолкали
Партизанские стрелки.

Три года по тылам: с боями,
Врага мы били, как могли,
Наперекор всем нашим бедам –
Мы снова к Бресту подошли.

Там, где в «секрете» я лежал
У краешка Страны,
Нас ночью кто-то обстрелял,
С тыла, со «спины».

С рваной раной в животе
Отправился я в тыл,
Где резали, нутро кромсали,
Для того, чтоб дальше жил.

Там долго особист толмачил,
Что нет меня в живых,
Возможно, я бежал к врагу
И служил у них.

Только раны затянулись –
Тут же увели,
Пять лет долбил я уголёк
У краешка земли.

Лет через десять извинились
За промахи войны,
Но друг - друга покрывали
Военные чины.

По одежде – я китаец,
По нутру – совок,
Прости меня, Страна родная,
Что защитить тебя не смог.

Не смог тебя я защитить,
Когда кроили на куски,
Когда Парламент расстреляли
За это всё прости! Прости!

ПОСЛЕ ПАРАДА

Налей, дружок, нам фронтовые,
Что спасали нас в пургу,
С ними вспомним дни былые
И уцелевших в ту войну.

Нас под Орлом осталось двое
От пехотного полка.
Давай же выпьем за тех стоя,
Кто не придёт уж никогда.

Выпьем за комбатов наших,
За санитарок полевых,
За всех, оставшихся в живых
И за безусых рядовых.

На параде видел танки
И миномётов грозный строй,
Не то, что с пулемётом санки,
Мы таскали за собой.

Вспомни, как с одной гранатой,
Пытались танк остановить,
Как в штыковую шли атаку,
А пулемёт нас стал «косить».

Как нам нужна была «Катюша»,
Хотя б одну на полный взвод,

И чтобы сверху все «Илюши»,
Разбили б доты наперёд.

До сих пор я вспоминаю,
Ту крестовую броню,
Я её не забываю
И спать спокойно не могу.

Ещё одну, дружок, налей
И выпьем мы за матерей,
За жён, невест и за детей,
За убиенных всех, - налей!

КАНТ

Странное имя родители дали –
Эммануилом сыночка назвали:
Кого-то из предков так называли,
Поэтому имечко это избрали.
В школьные годы мы и не знали,
Что именем этим философа звали.
Участь в институте мы только узнали,
Когда нас про Канта читать заставляли.
Многое, разное Кант намудрил
И этому долгу жизнь посвятил:
Про хаос в природе успел написать,
Разум вселенский пытался познать.
Как-то учитель в классе сказал,
Что Эммануила Канта читал.
С этого времени и до конца,
Кантом называли мы паренька.
От мудрости, правда, наш Кант был далёк,
Но школьные годы пошли ему впрок
Верным и смелым был наш дружок
Всем помогал, защищал нас, как мог.
Юность взметнула лихая пора –
Свирепо накрыла всех нас война.
Воевал ли наш Кант в те года? –
Мы не узнаем теперь никогда.

* * *

Я как-то архивы гестапо листал,
Допросный лист там же лежал:
О дерзком подпольщике я прочитал –
Себя перед смертью он Кантом назвал.

АФГАН

Нас из боя вывели вчера,
Подмога тихо подошла:
Десант приполз на перевал
И встречный бой душманам дал.

Они ж, набравшись наркоты,
В полный рост на нас всё шли,
Им нужен был тот перевал,
Где оборону взвод держал.

Живых в ущелье отвели,
Чтоб на рассвете увести.
Мы прилегли там у костра
И нервно спали до утра.

А свет с ущелья, от костра,
Как та надгробная свеча -
Чья смерть нагрянула вчера;
Пятерых не тронула она.

В тумане «духи» подошли,
Тихо обойдя посты,
Сонных быстро повязали,
Куда-то в горы повели.

С нами шёл наш капитан, -
Безумно храбрый ветеран.

На ноги сильно припадал,
Но не ныл и не стонал.

Когда ж нас к круче повели
Он крикнул: - Вниз! За мной, сынки!
И первым в омут головой,
Таща и нас всех за собой.

Мы не погибли в той войне,
Не утонули мы в реке,
Но нет ответа до сих пор:
Кто смертный подписал нам приговор?

МУЗЫКА В НОЧИ

Жара лишь к ночи отступила,
Прохлады накатился вал,
Усталость дня меня сморила,
Под шелест волн я засыпал.

Мне, вроде, даже что-то снилось,
С кем-то снова воевал,
Но вот красавица приснилась:
Под окном её стоял.

Она мне руку протянула,
Пытаясь что-то передать.
Затем, коса жены мелькнула
И я увидел её стать.

Сон внезапно мой прервался,
Звук серенады прилетел:
Музыкант в ночи старался,
Нежный ритм сюда летел.

Музыка его пленила,
Заполняя всё в окрест,
Особенна была в ней сила,
Заменяя собой оркестр.

Внезапно музыку прервали,
Тревожно зазвучал орган:

Мессу Брамса исполняли,
Печалью обратившись к нам.

Сердце музыка сжимала,
Летели мысли на Восток:
К тем, кого уже не стало,
Кому помочь тогда не смог.

В кровавом месиве войны,
Как этот реквием в ночи,
Сложили головы сыны,
Меня ж из боя принесли.

Орган мне душу вынимал,
Поимённо всех назвал:
Кого я в жизни потерял,
Кого сознанием не принял.

И вот уже затихли звуки,
Ночь поглотила ту печаль,
Слёзы с глаз катились в руки,
А мысли уносились вдаль.

Туда, куда не мог годами,
Возложить на могилку цвет
И материнскими глазами,
Получить на всё ответ.

И к тем крестам, на перевале,
Где безусые легли:
В чужой стране мы воевали,
Туда не принесут цветы.

Ночку ту провёл у моря,
Вздых волны воспринимал,
Как наше с морем горе:
О тех, кого я вспоминал.

ЛАСТОЧКА

Давным-давно была война –
Беда для всех одна:
Никого не пощадила,
Была сильно, как могла.

Снег в тот год сошёл с полей -
Ручьями говорливо
И не было с фронтов вестей,
Почта к нам не доходила.

Лишь только ласточка одна
Под крышей гнёздышко лепила,
Весточку нам принесла -
Она для нас – на годик сила.

Поверье, есть у нас в селе:
Где ласточка живёт,
Там уже не быть беде
И счастье в дом войдёт.

Мы ласточке помочь решили,
Чтоб счастье удержать,
Волос конский ей носили,
Чтоб было легче ткать.

И вот уже гнездо готово
И запищали в нём птенцы.

Мы червяков носили снова,
Те отказались от еды.

Мы телом комаров ловили,
Пытаясь ласточке помочь.
Ответно – щебетала мило,
Но от гнезда теснила прочь.

В наш общий дом пришла беда,
Когда никто не ждал.
Смерть замелькала у гнезда,
К деткам ястреб подлетал.

Навстречу ласточка метнулась –
Дать смертельный бой;
Рогатка наша пригодилась –
Враг улетел домой.

Ласточка с гнезда слетела,
Присела с нами в тень ветвей:
Возможно, передать хотела –
Благодарность от детей.

Похоронки дом наш миновали,
Письма с фронта шли,
Ласточки к нам прилетали –
До окончания войны.

СОЛДАТ ОТЕЧЕСТВА

Не пел в лесу нам соловей,
Под лай команда: «Шевелись! Быстрей!»
Кто в колонне не успел,
Тот, считай, - не уцелел.

Мы ж, как лошади в пургу –
Надвинув шапки на глаза,
Не стонали: «Не могу!»
Хотя кругом тайга, снега.

Мне часто снится наш барак,
Где было общее в два ряда,
Буржуйка в центре – наш тепляк
И мат, при выдаче наряда.

Теплица во мне жаргон,
Рождённый оком автомата;
Хочу забыть всё о былом
И пережитое когда-то.

Фашисты смертью нас пугали
И было это всё всерьёз:
Многих наших расстреляли,
В овраг забросив у берёз.

А здесь овчарками травили,
За то, что были мы в плену,

Но никогда не говорили-
Чью отмываем тут вину?

Возможно, так и нужно было –
Царям виновных отыскать,
На Руси давно так слыло:
С холопа можно всё сыскать.

Мы ж под Ржевом, под Москвой,
В снегопад и минный вой,
Смертельной оплатив ценой –
Твердь закрепили за собой.

На мне сказалась Колыма
И всем известная цинга,
Теперь же не могу понять:
За что пришлось нам воевать?

Конечно, - завтра я умру,
Возможно, раньше, чем хочу,
Покаяние властей всё жду,
Жить иначе не могу!

Но если всё же не дождусь,
И под крестом тем окажусь,
Пусть люди выпьют за меня –
Я всё же жизнь прожил не зря!

МОРСКОЕ ПРОЩАНИЕ

Фрегат на север уходил,
Наполнив ветром паруса,
Усердно в рынду кто-то бил,
Время будто торопя.
На пирсе девушка стояла,
Печально опустив глаза.
Она тогда ещё не знала,
Что провожает навсегда.
Осенним днём фрегат вернулся -
С разбитой мачтой и рулём,
Но только милый не вернулся,
Покоится на дне морском.

В тумане крейсер уходил,
Другая женщина стояла –
Плакать не было уж сил:
Мужа с сыном провожала.
Долго на ветру стояла,
Кутаясь в цветной платок.
Она тогда ещё не знала,
Что был последним тот гудок.

Прошло с тех пор не мало лет,
Подлодка в море уходила,
Пока просматривался след,
С пирса женщина следила.

Жена тогда ещё не знала,
Что не вернётся мичман к ней:
Погибнет он в момент аврала,
Спасая моряков-друзей.

Любимым женам, матерям,
Сигналят бойко корабли,
Так принято по всем частям,
С чистым сердцем вдаль идти.
Провожая, нельзя плакать.
Моряк не любит слёз,
Но, если будут всё же капать,
Прикрой букетом алых роз.

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Норд крепко дунул всем в лицо,
Когда с рейда мы снимались,
Тогда ещё не знал никто,
Что мы надолго расставались.

Задача, в общем-то, проста:
Найти, подкрасться, утопить,
Но не сказали нам тогда,
Где лодочка врага лежит.

Волною борт лизало нам,
Швыряло вверх и вниз,
Мы ж упрямо шли к врагам,
Без пропуска и виз.

А лодка не легла на дно,
Лишь ход свой потеряла;
Нас ждала она давно,
В шхерах укрывалась.

Сразу борт наш зацепила,
Но это не спасло её,
Со всех стволов её накрыло,
Уложив навсегда на дно.

Пробоиной воды черпнули,
Даже пластырь не помог;
На остров тихо повернули,
Помогла нам в этом ночь.

К крутому берегу пристали,
Корабль свой спасли:
Пробитый бок к скале прижали,
На сушу спешно всё снесли.

Враг был где-то рядом,
Наверняка он нас искал,
Одной торпедой, иль снарядом,
Нас бы всех он раскидал.

Не могли мы SOS подать,
Чтоб себя не обнаружить,
Борт пытались залатать,
Не смотря на стужи.

Одни укрытие всем рыли,
Без отдыха и без огня,
Другие в трюме тихо били -
Пластырь новый заводя.

Мы всё же дырку залатали,
Тихо ночью отошли,
В штабе наш сигнал приняли
И дотащиться помогли.

Нас подтянули на причал,
Сигнальщик всё отсемафорил.
Славянку нам оркестр играл,
На рейде кто-то ему вторил.

УЗНАЛА

(подражая Николаю Рубцову)

**В дверь из метели старик-водовоз
Утром вошёл, и Алёнка сказала:
- Мама, ты видишь, пришёл Дед-Мороз,
Я его сразу-присразу узнала!**

То Питерский известный адвокат,
По силе Веры – Христианский Брат
Ленинградцам воду приносил,
И, выбиваясь из последних сил,
Кипяточком их поил.

А умерших к команде нес,
Вместе с ними хоронил,
Запись он в тетрадь занес:
С пометкой номера могил.

С кровати без жизни повисла рука
И тут – же замёрзла прощально слеза.
Малышка – Алёна понять не могла,
Что мама её уже умерла.
Сухарик последний к губам поднесла,
Чтоб мама дышала, чтоб мама жила.
Старик поспешно шапку снял,
Алёнку бережно обнял
И тихо с ней он так стоял,
Молитву шёпотом читал.

* * *

Минуло время. Под Новый Год,
Когда звучат стихи и проза,
Алёна-мама за столом
Всё вспоминает Водовоза!

ИЗ СТИХОВ УЗНИКОВ ГУЛАГА

Судьбы и жизни вместились в 3,7
И в зловещую цифру 5,8
Кровавым запомнится год этот всем
И статья для расстрела 5...8.

По этой статье в беспредельном году,
Расстреляли видных комкоров.
И по этой статье этапом пошли -
Сотни тысяч других - без разбору.

Власти нужен был враг
Из военных, учёных, партий.
И не важно уже как,
Но и с партийных гвардий.

Враги народа повсеместно:
Среди артистов и врачей;
От них в Сибири стало тесно,
Народ тошнило от речей.

Уплотнили места Соловков:
Сюда потихоньку загнали попов.
А командиров, не на войну -
Сослали на смерть аж в Колыму!

В шахте кайлит уголёк Воркуты –
Известный профессор из самой Москвы.

В полном составе команда «Авроры» –
Давно за «колючкой» бескрайней Печоры.

А на Урале член ЦКа,
И два сотрудника ЧКа:
Валят лес, мостят накат:
Они враги. Им заказан путь назад.

Документы расскажут потом –
О гибели в этом аду,
Как ежедневно губили трудом –
В «родимом» советском плену.

Лютой зимой, колоннами гнали
Голодных, раздетых в тайгу,
Охранники спешно номер срывали,
С тех, кто остался на белом снегу.

Летописцы оставят свой след -
Выделят жирной строкой:
Как миллионы погибли в тот год,
Чтоб укрепить этот строй!

КРАСНОТАЛ

Когда в далёкой стороне
Накрыл меня свирепый вал,
Я свет увидел маяка
И яркий краснотал:
Он дома, у реки
Меня всегда встречал.

Я плыл к нему,
Я не тонул:
Он мне светил во мгле
И силу вовремя вернул –
Наперекор войне.

Не мог уйти я навсегда,
Не мог я утонуть,
Я так хотел ещё хоть раз
На краснотал взглянуть.

И я доплыл, доплыл, дошёл,
Из той пучины встал,
Чтоб на родимой стороне
Увидеть краснотал.

* * *

(Подражая Михаилу Борисову)

Лежат друзья на разных рубежах

Без почести покоится их прах,
Хотя тогда все полегли,
Чтоб не прошли в Страну враги.

От Смоленска до Москвы,
От Вязьмы до Варшавы
Лежат советские сыны,
Без погребений и без славы.

Мы стали жертвами войны:
Ротами, полками
И нет нигде клочка земли,
Не оплаканного нами.

А те, кто в первый бой пошли,
Грудь подставив автомату,
В окопе старом их нашли
И крест поставили без даты.

Кто назовёт их имена,
Звания и даты?
Где лежат мои друзья –
Не пришедшие солдаты?

На ближних, дальних рубежах
Лежат мои друзья...

ДОРОГА К ХРАМУ

Мимо храма путь лежал:
В лучах сверкали купола,
На паперти солдат стоял,
Костыль в руке держа.

Знакомое в нём что-то было –
Ошибки быть тут не могло
И, вдруг, внезапно осенило:
Из детства выплыло лицо.

Закружились роем мысли:
Как провожала его мать,
Как две сестры на нём повисли,
Не давая рядом стать.

Я знал: он воевал,
Где-то там, в Афгане.
Я ж границу охранял
В горах Таджикистана.

Солдат задумчиво крестился,
Пытаясь на колени встать,
За всех погибших он молился,
За не дождавшуюся мать.

Возможно, вспомнился ему –
На перевале бой,

А может, он прощал Страну,
Что защитил собой.

Я рядом на колени встал,
С шеи крест свой снял:
За души тех, кто воевал,
Ему его подал.

Меня, конечно, не узнал –
Тогда ведь был я мал;
Святыню от меня принял,
По стойке – «смирно» встал.

ГОРЯНКА

У риги дальней и пустой,
Решил я отдохнуть.
Там найти себе покой,
В объятья сна нырнуть.

Под дуновенье ветерка
Устроился в тени,
Усталые закрыл глаза
И замелькали сны.

Ещё, когда я тень искал,
Заметил воробья:
Он как-то жалобно пищал,
О помощи моля.

Внезапно стайка прилетела
И, окружив его,
С какой-то ненавистью била
За что-то там своё.

Он не пищал, не улетал,
Пощады не просил.
Буд-то от всего устал
И биться нет уж сил.

От шума, гама я проснулся,
Стайку разогнал.
И лишь один не шелохнулся:
Он смерть свою принял.

И тут я вспомнил про аул:
Там, далеко в горах,
Такой же ветер тогда дул,
Вселив мне стыд и страх.

Женщину здесь за измену
Обществом судили.
От смерти не было замены:
Камнями всю её избили.

Горянка молча умирала,
Пощады не моля.
Тяжёлый камень с рук мужчины
Завершил дела.

В разведку я туда ходил,
И видя всё, - тихонько выл.
Не мог тогда кричать, стрелять,
Обязан был всё передать.

Комбату всё я рассказал,
А он, весь чёрный, всё молчал;
Намного позже я узнал -
Любимую он потерял.

Где в женщине таится сила? -
Доселе не могу понять.
Где мужество своё хранила,
За любовь чтоб жизнь отдать?

РУСЬ ОТ КРАЯ И ДО КРАЯ

Россию мяли и делили,
Пока по княжествам все жили.
Исправно дань Орде платили
И триста лет копили силы.

Монголов и тевтонцев били,
Когда войска объединили:
Лишь тогда князья решили -
Объединять потребно силы.

Потомки Рюриков мечтали,
Всех князей объединить;
О Государстве мысль держали,
Чтоб монолитом общим быть.

Прошли века, и Русь крепчала,
Много бед она познала.
Единством крепь свою держала,
От этого сильнее стала.

В царстве многое менялось,
Менялся и Собор,
Но вера общая внедрялась,
От моря до Кавказских гор.

На чёрных, белых не делили:
Ни холопов, ни князей –

Общие дела творили
Во имя Родины своей.

Когда царей короновали,
Те Русь клялись крепить.
Клятву многие сдержали,
Других не нам судить.

Грехом считалось: не молиться,
В храм и церковь не ходить,
Без креста за стол садиться,
Бога в гневе не хулить.

Всё в России пережили:
Войну и голод, тьму и грех.
Когда все церкви разорили,-
Гнев Божий навлекли на всех.

Союз народов создавался,
Не просто было в те года;
Он всё же состоялся
И утвердился на года.

Союзным государством стали,
За коммунистами пошли,
Хозяйство из руин подняли,
Богатства множили свои.

Другие годы наступили;
Россию делят на куски:
Леса, заводы растащили,
В чужие страны увезли.

Скоро спросится старицей:
Кто разорял и воровал?
По чьей указке за границей –
Своё богатство умножал?

Поднимет голову народ,
И всё своё назад вернёт.
Русь продвинется вперед
И новой мощью заживёт!

ПОД ТОЙ БЕРЁЗОЙ БЕЛОСТВОЛЬНОЙ

О чём грустишь, берёза белая,
А может даже, видишь сны,
Когда, как вишня скороспелая,
Упали рядышком сыны.

У корней упали оба,
К груди прижав свои бинты,
И ты, как мать, стоя у гроба,
Отдала им горсть листвы.

Из ран твоих бежали слёзы,
Тревогу подала земля
И, отшумев, умчались грозы,
Оставив их здесь навсегда.

Листвой, ветвями и корнями,
Ты сохранила их покой
И только жёлтыми листьями,
Ты помечаешь их постой.

Берёза, милая подруга,
Память эту сохрани,
Ведь ты одна – на всю округу,
Знаешь, где лежат они.

Я в тех местах не раз похаживал
И не боялся вновь войны,
Уверенно свой быт налаживал,
Вместо тех, что здесь легли.

А сколько их ещё в Отечестве,
Не захороненных лежат,
Без имени и без отчества
Верных Родине солдат?!

Склоните голову, друзья,
Пред теми, кто отвоевал.
Ведь было это всё не зря:
Они прервали Смерти бал!

ВСЁ ПЕРЕПУТАЛА ВОЙНА

Шептали жаркие уста:
- Испей меня! – Испей до дна!
Покрепче обними меня,
Ведь я одна, совсем одна.
Три года я уже вдова -
Мужа отняла война,
А я ещё так молода ..!
Шептали нежные уста:
- Покрепче поцелуй меня
И завтра приходи сюда,
Я буду ждать тебя с утра,
Испей меня! Испей до дна!

Вновь утром грохнула война,
И не пришёл солдат сюда,
Рота спешно вдаль ушла,
Платком махнула в след вдова.

...Прошли года и вновь она
Шептала жарко сыну:
- Прости, сынок, что нет отца:
В боях он где-то сгинул.

Седая, старая вдова,
Солдата с фронта всё ждала,
Шептала гневные слова:
- Будь проклята навек, война!

ПЕСНЯ – СЕРДЦА ПЕЧАЛЬ

Это было недавно –
В сорок первом году:
Уходили солдаты –
Воевать за Страну.

В деревнях и в посёлках -
Провожала родня,
Но солдаты не знали,
Что уйдут навсегда.

Только пыль и пилотки,
Промелькнут за холмом
Мы узнаем из сводки,
О потерях потом.

Взвейся песня-кручина,
Улетай за леса:
Как погибли два сына
И не стало отца.

Плачут жёны, невесты,
Плачет снова родня:
Нет от милого вести,
Всех сгубила война.

Повторись перегудом -
Песня – сердца печаль;

Задержись там, над Бугом,
Унесись снова вдаль.

Может быть загорится
В память где-то свеча,
Словно Феникс родиться
Из войны и огня.

Принесёт ветку Мира,
Принесёт навсегда,
Чтоб не плакали жёны
У могилы бойца.

Пой, тальянка, прощанье,
Сердце печалью сожми,
Отложи всем в сознание:
Нет войне! Нет войны!

Пой, тальянка, страданье:
Говори, говори, говори!
Вспомнят пусть поимённо –
Не пришедших с войны.

РАСПЛАТА

Давит валенками снег –
Солдат в тулупе с автоматом;
Спит на нарах старый зэк
Под ровный сап родного брата.

Их бросили сюда вчера,
После боя и допроса:
На двоих легла беда –
Смерть прошла сторонкой, косо.

Их обвинили даже в том,
Что в живых они остались:
Мол, приползли в горящий дом –
Знать фашистов испугались.

Две роты полегли в бою,
Под градом пуль и вой снарядов:
Все жизнь прервали там свою,
Танк же обошел их рядом.

Из-под завала старший брат,
Меньшого откопал руками
И оттащил к огню от хат,
Замочив усы слезами.

Годами разнились они,
Но война их подравняла

На передний край вдвоем пришли
Судьба разлуку крепко знала.

И если завтра снова в бой –
Пойдут они, держась друг – друга,
А если в стенку головой,
То будет Смерть для них Подруга.

РЕКВИЕМ

Не слышен говор косарей –
В лучах, где пали росы,
Не видно дыма из печей;
Ковыль здесь заплетает косы.

Земля полынью зарастает,
Давно не виден свет окна:
Деревня тихо умирает,
России, видно, не нужна.

Здесь издавна славяне жили:
Счастье, горе – все сполна,
Но не было для них той силы,
Чтоб разорила всех до дна.

Фронт прошел туда, назад,
Многих унесла война,
Однако, был в семье их лад –
На всех беда одна.

Даже по военным меркам,
Народ зажиточно тут жил,
Но, видно, он «верховным клеркам» -
Давно уж чем-то «насолил».

Теперь в селе – одна старушка:
Скорбно век свой доживает,
И так же, как ее избушка,
В слезах тихонько умирает.

ЧЕРТА ОТСЧЕТА

От войны я измеряю годы,
Словно «склянку» бьют на кораблях;
Слагаю вместе все невзгоды
И проклятье на устах.

А те, кто в землю лег сырую:
На поле ровном иль в лесах,
Дату б выбрали иную –
Не испытали б смерть и крах.

Мне повезло. Я все же жив,
Хотя со смертью обнимался:
Страхом полным был нарыв –
Лишь через годы он прорвался.

Черта была тогда у всех:
В лагерях, на поле битвы;
Короткою была у тех,
Кто ходил по жалу бритвы.

Я ж, у черты и на черте –
Тяну ее, боясь порвать,
Жизни сила есть во мне –
Другим хочу ее отдать.

Отдам словами иль строкой,
Оставлю след свой в поколениях –
Пусть знают: был такой,
Что жил в военных измерениях!

ВЕЧНО МОЛОДОЙ

Из уходящих в этот день –
Он был моложе всех:
Войны шагала с нами тень –
Одна была на всех.

Обмотки скручены наспех,
Пилотка лезет на глаза:
Солдатик был моложе всех –
Из дома вырвала война.

Шел «не в ногу», торопясь,
В атаке первым пал:
Жизнь его оборвалась,
Которую не знал.

Жизнь за жизнь – войны цена,
Хотя она – одна:
Щедра расчетами Страна
И в том – она одна.

В бой уходили молодыми;
Такими – полегли:
Мать не знает их другими –
Не придут они с войны.

В день рождения сыночка,
Письма с фронта мать прочтет;
Раствориться в слезах строчка
И сердце болью обожжет.

КРАСКИ ВОЙНЫ

Была война щедра на краски:
Черной покрывала лес,
Белила головы под каской –
По причине, но и – без.

Небо сине – голубое, закрыли черные
кресты;

На этот строй, сердито воя,
Рванулись звезды – близнецы.
В круговерти этой схватки,
Краски разные легли:
Шлейф белый, черный, красный –
Свалились в сторону земли.

Кроваво – красный след войны,
Пролег от Бреста до Рейхстага
И на всем его пути
Кресты, могилы: как отвага.

Я родился на Волге –
В том кровавом году
И в землянке холодной
Познал ту войну.
Белоснежную краской плеснула она,
А кругом только снег, вековая тайга.

* * *

Когда на радугу смотрю
И вижу цвет там красный –
Вспоминаю ту войну,
С ее кровавой краской.

УХОДИЛИ ПОЛКИ НАВСЕГДА

В обелисках солдат, что стоят на горе,
Я увидел тот полк, что ушел на заре;
Он ушел торопясь, заливая костры:
Шли повзводно, поротно -
отцы и сыны.

Вместе с ними ушел и братишка-юнец,
А затем через год после раны – отец.
Уходили отцы майским днем до зари;
До сих пор не найдем, где погибли они.

Ощетинив штыки – полк ушел воевать;
Вслед подолгу крестила их мать.
Я запомнил тот день – ровно год
до конца,
А солдаты все шли на врага, на врага.

Где последним был бой –
нам теперь не узнать,
Не заглянет сюда ни жена и не мать;
Только ветер и дождь будут травы
качать,
Им одним здесь дано у могилы стоять.

Прогрохочет здесь гром – словно эхо
войны,
Но назад не вернуться, конечно, они,
Шум от грома загасит река
Как гасила тот бой и гибель полка.

ПЕСНЬ О ПИЛОТЕ

Глядели детские глаза
На пролетающую стаю
И захотелось уж тогда –
Быть вожаком у этой стаи:
Чтоб оттуда с высоты,
Увидеть землю всю до края,
Поля, все реки, их мосты
И солнце ласкового мая.

Готовил тело он и волю
В начале в школе и затем.....,
Когда штурвал сжимал до боли
И владел пространством всем.

Кровавым утром, в поднебесье –
Поднял послушный самолет;
От крестов там было тесно –
На них и кинулся вперед.

Подбитый он сорвался вниз,
Упал на грудь родной земли.
Только через двадцать лет –
Останки там его нашли.

Он не покинул самолет,
Он факелом с небес светил;
Он был уверен наперед –
За Родину так отомстил.

Преодолея боль ожогов;
Шепнул он из последних сил:
- Мама! Не суди так строго –
Я небо с детства полюбил.

СМЕРТЬ СОЛДАТА

Солдат не хотел умирать
И в первом бою оробел –
Вспомнив, как плакала мать
И отца, что лицом почернел.
Дрожа упал на дно траншеи,
Как только начали «долбить»:
Старлей вперед погнал «взашей»
И страшным матом стал «кроить».
Бежал со всеми и орал –
Вспоминая «мать» и «бога»:
Заметил, как старлей упал,
Погрозив кому то строго.
Когда не целясь он стрелял,
И в сторону врага бежал,
Не мог конечно же не знать:
Смерть всех будет отбирать.
Когда ж сраженный он упал
И землю теплую обнял –
Успел он бой перекричать:
- Я не хочу умирать!!
В последний миг отца увидел,
Молнией сверкнула мать,
Врагов, которых ненавидел...
Не хотел он умирать!

(Под впечатлением стихов Давида Самойлова)

1. НОЧНАЯ ГРОЗА

Тяжелое небо набрякло, намокло.
Тяжелые дали дождем занавешены.
Гроза заливает июльские окна,
А в стеклах – внезапно – видение женщины.

Такое же небо: тяжелое, черное,
Нависло над всеми стоном смертей.
Рассветное солнце – войне непокорное,
Лучами будило, как будят детей.

Женщина в черном – сынов провожая,
Слезами покрыла стекла окна.
А в небе гремела гроза не земная,
Сыны уходили на фронт – навсегда.

Ждать она будет их возвращение,
Вздыхая и плача: не год и не два;
Взором туманным видит мгновение,
Буд-то спешат к ней ее сыновья.

А ночи все: длинные-длинные.
День наступает в отсвете окна.
На старых часах – кукушка старинная,
Опять прокукует, как и вчера.

Вновь земля покров сменила,
Не первый год пришла весна:
Листом зеленым все покрыло.
Лишь мать, по-прежнему, одна.

2. СОРОКОВЫЕ

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещения похоронные
И перестуки эшелонные.

Везде витает общий страх,
Спешат на запад эшелоны.
Ближе к фронту: в тупиках
Стоят сгоревшие вагоны.

Беженцы все прибывают:
Бегут от смерти на восток.
Они, конечно – же, не знают –
Какой отмерен жизни срок.

Санитарный «припыхтел» вчера
И тут-же, выгрузив тела –
Не медля отбыл дальше в тыл,
Оставив сорок пять могил.

Четыре года смерть и страх,
Четыре года «похоронки»,
После боя – черный прах:
Земля вся в оспинках воронки.

Сороковые, роковые,
Тыловые, боевые.
Помнят их еще живые
И солдаты фронтовые.

ОН НЕ БЫЛ СУЕВЕРНЫМ

Его убило первым,
В «расчете» ж был вторым;
Он был не суеверным,
Но крестик все ж носил.

Шальная пуля прилетела,
Когда он ленту заряжал,
Даже каску не задела.
Без стопа к брустверу припал.

После боя похоронят
Его в той выжженной степи.
Командир в сердцах застонет –
Увидев в свалке сапоги.

Рота вновь уйдет вперед,
Закрепляя рубежи.
Травую холмик зарастет.
Стоят поникшие кресты.

Он не был суеверным,
Но мамин крест носил всегда.
В семье он будет первым,
Кто не вернется уж сюда.

ПЛАЧЕТ ДО СИХ ПОР СТАНИЦА

У белых куреней станицы-
Яблоня буйно цвела,
Её аромат – не зная границы,
Река на себя приняла.

В это утро на Дону,
Казачата пескарей удили:
Набили «сниску» не одну
И к дому вскоре поспешили.

В укромном месте – у реки,
Дивчина парубка ласкала;
Солнце вытянув лучи –
Конец свиданью подсказала.

Воскресным днем ещё все спали,
Никто не ожидал беды;
На Буге танки грохотали-
Озаглавив путь войны.

И вот она уже пришла,
В каждый курень заглянула:
Мужчин всех тут-же забрала,
Черным горем резанула.

Голосила громко мать,
Плакала жена солдата,
Частил отец меж словом «мать»,
Буд-то бил из автомата.

Молодка - на глазах у всех,
Парня страстно целовала,
Знала, что простят ей грех,
Коль война их разлучала.

Станица замерла в печали,
Лишь репродуктор голосил:
Опять какой-то город сдали
И Сталин долго говорил.

Вот уже четыре года,
Идут бои то там, то тут;
«Во имя жизни для народа» -
Солдат погибших назовут.

Средь белого, садового кипенья,
Стоит на берегу Поклонный Крест:
Кто не пришёл в свои куренья –
Оставив тут детей, невест.

Волна донская замирая,
Тихо плещет вдоль косы;
Печаль людскую принимая –
Покой пытается нести.

ПОБЕДА

Сколько счастья в этом слове
И исполненность мечты,
Сколько горя в этом слове-
От кровавых дней войны.

В оценке мы сегодня строже
К дням военным и годам;
Час наш мирный стал дороже
За жизни отданные нам.

Смерть не щадя входила в дом,
Всё застлала мглою сразу;
Катился дальше страшный ком-
По злему року иль приказу.

Встречать боялись почтальона-
Он весть смерти разносил;
Сходил с ума от воя, стопа,
Держался из последних сил.

Кресты венчают путь солдата
По перелескам и горам;
Наша жизнь - то их оплата
В День Победы отдан нам.

Победа. Отвёл беду – основа слова,
Истина в нем такова

И чтоб не хлынула беда-
Победа нам во всем нужна.

Идя сегодня на Парад,
Где такт шеренги бьют ногами,
Давайте вспомним тех ребят,
Которых нет сегодня с нами!

ОФИЦЕРУ – «ШТРАФНИКУ»

Вели в пургу под лай собак
И зорким оком автомата:
Не мог поверить он – никак,
Что нет ему назад возврата.

Конвой орет: «Не отставать!»
И трижды слышно слово – «Мать!»,
Но сил уж нет вперед шагать,
Желанье есть: упасть и спать.

И он упал.
И встать не смог.
Но два безжалостных ствола –
Уперлись в спину и в висок.

Друзья его, - что впереди,
Для выручки комбата,
Качнулись разом, и легли,
Под переборы автомата.

Кабелями и прикладом
Опять построили в ряды
И посылая маты градом,
В пургу их дальше повели.

* * *

Через месяц, или – два,
Пополнят ими все «штрафбаты»,
Забудут многих имена
И их звания когда-то.

В ДЕНЬ ПАМЯТИ И СКОРБИ

Печально ходит меж крестов,
Народ скорбящий и с поклоном:
Средь матерей, сынов, отцов -
Подолгу все стоят со стоном.

Здесь нет улыбки на устах
И громких нет речей,
Здесь у всех глаза в слезах,
Что вместо слов верней.

Мать к оградке подошла,
Текли по щекам слезы;
Став на колени у креста –
Сыночку положила розы.

Рядом женщина рыдала,
Платком пытаюсь стон унять:
Шахта мужа отобрала,
А ей всего-то тридцать пять.

В этот день людское горе,
Печально по могилам шло,
Оно плескалось, словно море,
И память чернью отдало.

К Троице придут сюда
И сердце вновь печаль загложет;

Нальют усопшим всем вина,
Блин с конфетами положат.

К обеду дождь, как из ведра,
Громом всколыхнул округу,
Горе всё Земля взяла,
И всё опять пойдет по кругу.

ДЕТИ ВОЙНЫ

О них давно не пишут оды
И Бога некому просить,
Что б продлил он жизни годы
И без печали их прожить.

Они подбитые войной,
С исковерканной Судьбой,
Забитые молвой людской –
Тянут Память за собой.

О, сколько их под лунным небом,
Бродило от села к селу –
В поисках кусочка хлеба,
Что б поделить на всю «братву».

На чердаках, в подвалах темных –
Коротали ту войну,
Но были духом неумным –
Страдали вместе за Страну.

С плачем, но пришла Победа.
Открылись школы и сады,
Но долго будут еще беды
Шагать с «осколками войны».

Где они: мои собратья –
Голодных армий «босоты»?
В каких теперь они объятиях
И нет ли в душах пустоты?

НА ДЕТСКИЕ ПЛЕЧИ ПАЛА ВОЙНА

Мы убегали от войны:
По перелескам, вдоль реки,
Днем и ночью шли и шли –
Пытаясь жизнь свою спасти.

Несли мы вещи и детей –
С каждым шагом тяжелей,
А бой все ближе, все слышней –
Горе для России всей.

От большака нас отсекли:
С крестами танки там пошли.
Мы с мамой, с Дашей в лес ушли -
Дома маячили в дали.

Когда же к вечеру дошли,
Никого там не нашли.
Хаты, как одна, - пусты,
Давно погашены огни.

Идти мы дальше не смогли –
Мама с Дашей враз «слегли»
И все заботы для семьи –
На плечи детские легли.

Мама, приходя в сознание,
Просила Дашеньку «поднять»,
Но на все мои старанья –
Бог решил ее забрать.

Следом мамочка «ушла»,
Оставив сына в десять лет.
А зима уже легла –
Закрыв метелью белый свет.

Целый год прожил один:
Воробьев и крыс ловил,
Но печку каждый день топил –
Сохранив остатки сил.

Почти скелетик мой нашли,
В холодном доме партизаны;
Сюда случайно подошли –
Перевязать солдату раны.

* * *

Что испытал я в эти годы –
Нельзя словами передать,
Кровавы были все невзгоды,
Другого не могу сказать!

ОКРАИНА ПЕТЕРБУРГА

**Время года неизвестно,
Мгла клубится пеленой.
С неба падает отвесно
Мелкий бисер водяной.
(Саша Черный, 1908 г.)**

Через годы – в Ленинграде,
Такой – же хлопотной порой,
Стоял матрос спиной к ограде,
Букет сжимая дорогой.

На свиданье шел впервые:
Подружку встретил он в порту;
Ей стихи читал чужие,
Назначил встречу на мосту.

Она пришла. Точнее – прибежала,
Прижалась трепетно к груди,
К губам букет его прижала
И зашагали вдоль Невы.

Еще тогда они не знали,
Что летним утром, через год –
Войну фашисты развязали
И смертный голод здесь их ждет.

Еще не знали и того,
Как будут умирать здесь дети

И что не многим суждено –
Увидеть Мир на этом свете.

Блокадный Питер умирал:
От голода и от снарядов,
Но оборону он держал;
Смерть была со всеми рядом.

Матрос жену похоронил –
На Пискаревке между боем,
А ночью был отправлен в тыл:
По Ладоге – походным строем.

Когда дорогу проложили
И груз пошел туда – сюда,
С детьми машина провалилась,
Моряк достал их из под льда.
Бушлат свой сбросил, рассадил,
Тельняшкой вытер их тела.
Старался греть их. Ветер выл,
Мела прощальная пурга.

Спасая жизни, умирали –
Ленинградцы на Неве,
Но город свой врагу не сдали;
Жизнь сохранили мне, тебе!

ЭХО ГОР

От роты нас осталось – пять;
Огнём прижали, окружили:
Пытались в плен они нас взять,
Но мы гранатами отбились.

Мы отползали, кровеня –
Чужую землю, всю в камнях;
В горах нас встретила заря
И тишь от боя в их лесах.

Зачем мы в эту даль пришли?
Зачем помехой стали всем?,
За что братишки полегли –
Не оплаканы ни кем?

Вопрос, вопрос... Все без ответа,
Лишь в «цинках» тело по домам,
Да извещение: без ответа –
За что сыны погибли там?

С креста внимает молча сын,
Как плача бьётся мать у гроба:
Он ведь мужчиной был один.
Для неё всегда подмога.

Пройдёт ещё с десятков лет,
Народ Правителей осудит.

Но матерям – то не ответ
И рану сердца не остудит.

* * *

Презренным стал бы я тогда,
Коль не сказал бы слово:
«Кровью пишется строка –
Боясь возврата снова».

НАД МОГИЛАМИ КРЕСТЫ

За околицей, вдоль поля,
Ближе к берегу ручья,
Словно жизненная доля –
Убегает вдаль тропа.
В той дали – у горизонта,
В тихой роще, где река,
Где отметины от фронта –
Обрывается она.

У раскидистой сосны,
Стоят, поникши два креста:
Отмечая след войны,
Где последняя черта.

О, сколько их – крестов унылых
В объятья приняла земля:
От золотых карьеров – стылых,
Аж до самого Кремля!
И дальше, дальше: до Берлина,
До Варшавы, до Карпат –
Уже не плачет мать о сыне;
Сыны в чужой земле лежат.
Не будет слез здесь поминальных,
Кресты закроются листвой
И только криком привокзальным,
Нарушат птицы их покой.

ОН НЕ БЫЛ ХУЛИГАНОМ

Для многих слыл он хулиганом,
Хотя и не был таковым,
Но в проступках и обманах –
Он, точно, был неуловим.

В драках был всегда он первым.
Обидчиков жестоко бил,
Но был защитником он верным, -
Кто слабее многих был.

И лишь одна девчонка знала –
Каким он добрым парнем был:
Как душа его страдала,
С какою нежностью любил.

В Афгане вместе мы служили
И смерть не раз кружила нас,
Но только крепче мы дружили,
Мечтая встретить мирный час.

Когда я там сорвался с кручи,
И «связку» оборвав, - летел,
Он прыгнул вниз по этой круче
И удержать меня сумел.

Расстались с ним мы в медсанбате,
Куда меня он приволок;

Давал наказ о маме, брате,
Любимой передать платок.

Целый год меня латали –
«Светила» разных величин
И мы тогда еще не знали,
Как отбивался он один.

О всем узнали лишь потом,
Когда он прибыл грузом – «двести»;
Поведал нам комбат о нем,
А я платок отдал невесте.

ПРОВОДКА

Волны свирепые бьются о скалы,
В море ушел караван;
Там, за туманом, такие же скалы
И минный возможен капкан.

Еще плотней туман упал,
Видимость совсем закрыл;
Капитан штурвал до хруста сжал,
Подряд, при этом, всех «кроил».

Один лишь лоцман был спокоен,
Спокоен – словно та скала:
К «ходу» слух его устроен,
Здесь излишне все слова.

Идем туда, где в окружение
С врагами бьются экипажи:
Первыми приняв вторжение –
Верные России стражи.

ПОСЛЕДНИЙ БАЛ

В одиночестве, среди книг,
Умирал на Пражской гений;
Величием светился лик –
За Жизнь свою для поколений.

В Сталинграде, среди развалин,
Старый воин умирал:
Привиделся Иосиф Сталин,
Шепнул: - Не за тебя я жизнь отдал.

В забытом богом Сусумане,
«Политику» глаза закрыли;
Он всем твердил, что Вождь в обмане,
(Его за это часто били).

В Афгане юный парень пал
От пули маджахеда;
Он тогда еще не знал,
Что чуждо слово здесь – «Победа».

В Жизни Смерть – последний бал:
Их не возможно разделить
И кто б за что не умирал,
Всем еще хотелось жить.

УХОДИТ ДЕТСТВО

Детство пятками сверкая,
Летит и мчится от меня;
Буд-то быстрых птичек стая,
Уносит время в небеса.

Оттуда: с Запада, с Востока
Мы были собраны сюда,
Где жизнь сурова и жестока
И вокруг снега, снега.

По Ладогe, гремя костями,
Везли нас вечером и в день;
Кружили ястребы с крестами –
Смерти рассыпая тень.

Был в начале Сталинград:
Задавленный, прижатый к Волге,
Бомбы сыпались, как град,
Для многих жизнь была недолгой.

Затем далекая Сибирь,
Где торчат из снега трубы,
Где красногрудый птах-снегирь,
Где мерзнут сразу нос и губы.

Мы здесь росли, мы здесь мужали,
Частенько ссорились, дрались,

Но меж собой вражды не знали:
Суровой правдой была жизнь.

Я улыбаясь, вспоминаю наши детские года:
Проказы, гомон общий в школе,
Учителей своих глаза,
И крик душевный в общем горе –
Услышал я издалека.

У СОЛДАТСКОГО ОГНЯ

Присядем, друг мой, у огня,
Нальем себе немного рому,
И вспомним наши день – от дня,
Как в мечтах спешили к дому.
Как жар окутывал нам мозг-
От всех смертей шагавших с нами,
Как капал на руки нам воск,
Свечей надгробных меж боями.
И счастья маленький глоток,
От поцелуя на рассвете;
Не назначали встречам срок-
За это были мы в ответе.

Офицеров молодых-
Беззлобно «чижиками» звали;
Паек делили на двоих
И в бою их опекали.

Когда нас «штопали» врачи
И осколки вынимали:
Божеством были они,
Жизни наши продлевая.

Мы смерть свою врагу отдали,
Не думали, что доживем:
До близкой, - этой самой дали
И к дому отчему придем.

Нет ноги и нет руки,
Но память оживает вновь;
Оставь, дружочек, костыли
И дай опять команду: «Товсь!»

СЛЁЗЫ ВОЙНЫ

Из слез войны было бы море,
Со всех сторон текли б ручьи;
И высекали бури, горе –
В тылу, где не было войны.
Где каждый день шли «похоронки»
На сынов и дочерей:
Из смертной, огненной сторонки,
Из окопов, блиндажей.

Там тоже плакали солдаты,
Вспоминая отчий дом;
Немели пальцы от гранаты,
Но страх глушил разрывов гром.

В часы затишья перед боем,
Иль в лазарете с костылем,
Весточку читая стоя –
Мозг и сердце жгло огнем:
От перечня разлук и бед,
От непосильного труда,
Когда на все один ответ:
-Идет жестокая война!

Кружат мысли торопливо,
Течет, не прошена слеза -
От сообщения из тыла,
Где за жизнь идет борьба.

* * *

Не скоро радость о Победе-
Осушит матери глаза:
Ведь нет сынов, невест, соседей-
Она теперь совсем одна.

ПЕРЕД РАССТРЕЛОМ

Мы мочу называли – «сакэ»,
Пили жажду и страх унимая;
На расстрел поведут на заре,
В теплый день наступившего мая.
Десять дней в темноте при клопах
И таких же ночей с пересудом;
Поровняли нас всех здесь в правах:
Перед Богом, Аллахом, Иудой!
Под скрип замков шагнем мы в свет,
Попарно выставят нас к стенке
И, проклиная это свет,-
Уйдем в другой, - по переменке.

ЛАБИРИНТЫ ПАМЯТИ

Время тихонько мне память прикрыло,
Запорошило снегом ее,
Но прорывается прошлое зримо:
Детство, юность и наше жильё.

Семь семей в одном бараке,
Без запоров от людей.
Семь семей, без всякой драки:
Варили, грелись у печей,
Что стоят еще поныне –
Словно памятник тех дней.

В нашем общем коридоре
Рождалась детская мечта:
То плыли мы в открытом море,
То поднимались в небеса.
Не редко там и засыпали –
Изображая партизан;
Частенько старики ворчали,
Глуша наш детский ураган.

Взрослели мы, и разъезжались:
Кто в Москву, кто в Ленинград,
Но дружба наша не прервалась
И каждый – весточке был рад.

Из многого, что в Жизни было,
Я вспоминаю наш барак,
Где общим горе, счастье жило –
Без наций и без драк.

ОБОБЩЕНИЕ

Последняя строка,
Еще одно мгновенье
И вот уже судьба –
Без страха и сомненья.

Там крик и стон,
Там всплеск любви,
Там Счастья трон
И нет вины.

А за пределами строки,
Суровой жизнь была:
Тяжелой поступью там шли,
Что позабыть нельзя.
Шла жестокая война:
Никто друг – друга не щадил;
Под гнетом корчилась Страна
Был военным фронт и тыл.

И все же там:
Ростки любви,
Сквозь стон и гам,
Росли, цвели.
Строка поэта тяжела:
От Судеб и Потерь,
Но сердцем крепиться она,
Тем, милей теперь.

Стих, возможно, и прочтут,
Строку, возможно, подчеркнут,
Возможно, даже суть поймут;
О, счастье! – коль слезу утрут.

СМОТРИТ ПРОШЛОЕ В ГЛАЗА...

Прошлое грубо мне смотри в глаза,
Словно была там сплошная гроза,
Взгляд отвернуть не могу никуда,
Тяжелые слышу оттуда слова.

Вспомнились в небе черные тучи,
Мрак над рекой и вокруг,
Только березонька светит на круче,
Да капли росы перекрыли наш луг.

А по земле шагает горе,
Вдаль спешат уставшие полки:
Пыль клубится, словно море –
Под рокот проклятой войны.

Я стон услышал матерей
Над могилами сынов,
Им громко вторил плач детей,
Лишенных навсегда отцов.

* * *

Вот и не спится ночами,
Память клокочет и рвет;
Благо, - то было не с Вами,
Радость пусть рядом живет!

ПРИШЛА В СЕЛО ОПЯТЬ ВОЙНА

Свое село я не узнал –
Оно куда-то провалилось:
Где средь березок клуб стоял,
Бревно последнее свалилось.
Крепкие стены бревенчатых хат,
Крышей дырявой накрыты;
В окна пустые смотрит закат,
Дорожки вьюном перевиты.
Журавль у колодца сгнил и упал,
От солнца бадья развалилась;
Всекий прохожий колодец сей знал –
Слава воде разносилась.

Я видел такое под Ровно:
Также чернели дома,
В углах разъезжались бревна,
Но там колыхала война.
А в этой глубинке России –
Было все, - как тогда:
Чумой пронеслась здесь стихия,
Объявлена кем-то война.

Но ведь кто-то же посмел -
Село – кормилицу крушить?
Ведь кто-то ж повелел -
Разор такой тут учинить?

Никто, похоже, не ответит,
И спрос не учинят;
Возможно, где-то лишь отметят,
Что был на этом месте сад.

ПРОШЛОЕ СЕГОДНЯ

В памяти моей, не раз,
Картины прошлого всплывали:
То иду я в первый класс,
То видятся морские дали.

Часто вижу я друзей,
Как по улице бежали;
Рвался с рук бумажный змей
И мы, как он, летать мечтали.

Прервала детство нам война:
Все кругом заголосили;
Проклятьем вклинилась она.
Из общей чащи горе пили.

Порою вижу на столе –
Картошку мерзлую «в мундире»
И две герани на окне –
Буд-то нет милее в мире.

Но все же, мамины глаза,
С тоскою вижу чаще всех:
В пути светили мне всегда,
Забыть мне их – Великий грех.

Отца не видел никогда:
Возможно, потому что нежил,

А, может, мамины слова,
Что он таким, вообще-то, не был.

Глаза закрою: вот она –
Бабулечка, моя родная,
Что путевку в жизнь дала;
Была в ней сила неземная.

С лукавинкой, глаза жены –
Реально смотрят не меня,
И я из прошлого, из тьмы –
Шагнул опять в проблемы дня.

МЫСЛИ РЕПРЕССИРОВАННОГО

Я был ранен тогда:
В сорок первом году,
Не от пули врага -
От созвучья ему.

Я не умер в тот год,
Видно не суждено.
Очернён был народ
И опущен на «дно».

Часто снится вагон,
Что всех вез на Восток
И пурга за окном,
И зеленый росток,
К солнцу бросив листок.

Я давно уж не млад
И виски с сединой,
Сердце бьется не в лад:
С перебором порой.

Слышу ночью опять -
Стук вагона в пути
И как плакала мать –
От зари до зари.

Время встало вдруг вспять,
Мысли вдаль понесли;
Их теперь не унять –
Они тот свет из ночи.

Многим уж не дано
Свежесть утра познать:
Нет их с нами давно,
Из могил им не встать.

Я запомнил Сибирь:
Где в укорах глаза,
Где с издевкою смех,
Где снега и снега.

Коль смогли очернить наш народ,
И отправить всех скопом сюда;
Предусмотрен был план наперед:
А возврату не быть! Никогда!

Возможно, отойдут те сны,
Что не дают спокойно спать,
И прорастут быльем они –
Как знать? Как знать? Как знать?

А может совесть озаренья -
Правителей займет умы,
И станет наше поколенье
Со всеми равными людьми?

ЖЕСТОКАЯ РАСПЛАТА

- Я буду ждать тебя с войны,-
Прощаясь, девушка шептала.
- Вернись, вернись, вернись и ты,-
Так мама сына провожала.

А лейтенант, садясь в вагон,
Крикнул на прощанье:
- Мы победим! Клянусь я в том!
Здесь назначаю вам свидание!

В ауле горном, на заре,
Ахмета Айна провожала:
- Вернись к сынам, вернись ко мне,-
Не плача, гордо наказала.

Лихой моряк, жену лаская,
Пытаясь плачь ее унять,
Шепнул на ухо, обнимая,
- Я буду каждый день писать.

* * *

Но слова не сдержал никто,
Домой никто не возвратился.
Лежат в земле они давно -
За Счастье каждый расплатился.

НА ЗАПАД, НА ЗАПАД...

На Запад, на Запад шли мы с боями,
Били врага, но и гибли мы сами.
А в медсанбатах – латают нам раны
И письма с задержкой приносят от мамы:
В них дом наш встает пред глазами,
Сад, что с отцом посадили мы сами,
Синее небо между горами,
Цвет миндаля, кипарисы рядами.

Подлечат, подправят и снова туда,
Где нет нам покоя и долгого сна,
Где смерть громыхает день ото – дня
И жизни все чаще сгребает война.

Когда ж между боем сидим у огня
И пьем упокойную чашу до дна;
Вселяется в душу – гнева волна,
Глаза застигает внезапно слеза.

Кому повезет и дождется Победы –
Расскажет потомкам про общие беды,
Про то, как мечтами домой возвратиться
И тишиной опять насладиться.

СЫНОВЬЯ ОТРАДА

Ночью темной и дождливой,
При буйстве молнии и грома,
Стук с улицы: пугливый,
Засветил окно у дома.

Шаль набросив на ходу,
Вышла с фонарем хозяйка,
А на завалинке, в углу –
В родах билась молодайка.

Под канонадный выстрел грома,
При тусклом свете фонаря,
Раздался детский крик у дома;
Мать же в мир иной ушла.

Седая женщина пыталась –
В военной форме, - мать закрыть.
Теплом своим согреть старалась –
Кому на свете дальше жить.

* * *

И вырос он – ее отрада,
Взамен погибших сыновей.
Она считала: то награда,
Для мирной старости своей.

БРАТИШКА

На танцах был всегда он первым
И в школе не последним был;
В военкомат пошел он первым,
Он первым добровольцем был.

Он и на фронте отличался:
Не трусил, не скулил,
Из окружения прорвался
И бился из последних сил.

Смерть же мимо проходила –
Давая смельчаку пожить;
Лишь голову посеребрила –
Не прерывая жизни нить.

Домой вернулся постаревшим,
С печальной тенью серых глаз.
От всех расспросов надоевших –
В свой спешил десятый класс:
Здесь он подружку вспоминал,
Хотя, забыл ее черты,
Но помнил, как поцеловал
И с клумбы ей сорвал цветы.

Война всех «круто замесила» -
Заставив разом повзрослеть;
Под «корень» многих подрубила –
Песню им не дав допеть.

Не скоро люди молодые –
Уцелевшие в войне;
Осознают дни иные,
Увидят Счастье на Земле.

РУБЕЖ У ПОЛЯ РЖИ

На свой рубеж пришли вчера
И сразу окопались.
Приказ: - Не пропустить врага!
Но их полроты-то осталось.

А впереди ржаное поле:
К земле склонило колоски,
Будто рвется из неволи –
Птах, запутавшись в силки.

Его б ко - времени убрать,
Да блинчиков на стол падать...,
Но враг решил огню придать,
Чтоб за дымом наступать.

Горело поле – рожь стонала,
От дыма капала слеза,
А смерть туда – сюда летала,
Заставив отступить врага.

РАССКАЗ БЕЛОРУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Осенью, воскресным днем,
На площадь жителей согнали;
Ломанным, но русским языком,
Приказ фашисты зачитали:
За оружие – всем смерть,
Она же - и за коммунистов.
За партизан расплата – смерть,
За командиров, за чекистов.

В испуге люди все молчали,
Лишь слезы по щекам текли.
Под плачь – евреев всех забрали
И в лог ближайший отвели.

Мне было десять лет в пору ту,
Но я запомнила слова;
Еще я помню, как в пургу –
Нас – прогнали со двора.

Все село затем спалили –
За какие - то грехи.
Мне старушки говорили,
Что партизанов тут нашли.

ПРИКАЗ ВЫПОЛНЕН...

Шел третий год войны,
В ночь «разведка» уходила
И не было ничьей вины –
Луна прожектором светила.

По меркам войны – задача проста:
Пройти через фронт, привести «языка»,
Радистку попутно «подполью» отдать
И, убедившись, - вернуться назад.

Луна, как предатель, светила с небес,
А здесь только кочки, да изредка лес,
Два километра не шли, не бежали –
Ползли друг за другом, ужом извивались.

Исполнили все, как было приказано,
Но, вот только жизнь имеет свой ход;
Вернулись назад, как и было наказано.
Двоих хоронил в этот вечер весь взвод.

ОТ ВРАГА К ВРАГУ ПРИШЛИ

Бежали впятером из плена:
Ночь нам в этом помогла
И у охраны была смена.
Нас хватились лишь с утра.

По ручью всю ночь мы шли,
Держа свой путь к горам,
Туда, - где жили пастухи,
Где не откажут в крове нам.

Без разговоров, все поняв, -
Они нас покормили
И обувку поменяв,
Через горы проводили.

По тропкам узким, на камнях –
Шли мы на Восток,
Надеясь полк найти наш там;
Но у Судьбы другой урок.

О, сколько мы перетерпели,
Скитаясь по тылам,
Когда ж своих найти сумели,-
За плен – «червонец» дали нам.

Без врага, врагами стали –
В тайге мы «горбимся» давно.
Не поймем вины мы сами,
Нам «видно» это не дано.

КРИК...

Мир на грани катастрофы –
Опять кругом идет война.
Набатом бьют поэтов строки –
Их призыву нет конца.
... Над пропастью стоим, качаемся:
Всего толчек и ... улетим.
- К реальной Смерти прикасаемся! –
Срывая голос, мы кричим.
... Еще шажок, и нет Земли,
И Неба нет, и нет Мечты!
В мире жить бы все могли,
Но мы погибнем от войны!

В ЧРЕВЕ ВОЙНЫ

В бреду сестричке гладил руки,
При этом мамой называл;
Раны обрекли на муки,
И он тихонько угасал.

Отца призвали в 41-ом,
Как только началась война,
И, в том году, - кроваво – нервном,
Смерть в бою его нашла.

Приписав годок к рождению,
К военному сын помчался;
И к маминому сожаленью –
Военный путь его начался.

Лежит боец, - раскинув руки,
Седую голову подняв;
Секунды взяли на поруки:
Мгновенья, - слезы не уняв.

Отпишут маме с отделения,
Что тогда-то сына схоронили:
По всем статьям,- без сожаления:
Дату, время сообщили.

Вскинет к небу руки мать,
Упадет на пол, рыдая;
Нет уж сил ее поднять,
Ведь это тяжесть – неземная.

ЗА БУДУЩЕЕ ОН ВОЕВАЛ...

По дорогам фронтовым
Шагал солдат четыре года.
Богом, видно, был храним –
Смертельная прошла невзгода.

От Одессы до Орла,
А дальше - до Берлина –
Путь – дорожка пролегла;
Военная везде картина:
Кресты, да трубы от печей,
И бездомная скотина.

Домой! Домой! Быстрее домой:
До хаты беленькой у речки,
До ракиты над водой,
До знакомой с детства печки.

Бежит солдат. Не утерпел.
Искал глазами столб границы,
Но даже он не уцелел;
Нет белых хат его станицы.

А там, где домик их стоял –
Грязница ямина большая.
Везде разруха правит бал,
Да ворон крикливых стая.

По щекам мазнул слезу,
Сглотнул последний всплеск мечты;
Тень увидел на пруду
И свежие вдали кресты.

КАЗАЧЬЕ ПОЛЕ

Пуля сорвала на быстром скаку,
Свет перекрыла она казаку,
Лава умчалась вперед на врага
И не расслышали стон казака.

А те – кто рядом с ним скакал,
Немного позже полегли.
Никто их ночью не искал –
Такие правила войны.

Лишь верный конь, стуча копытом,-
Звал на помощь до утра.
Здесь в поле, - ковылем покрытом,
Многие «легли» тогда.

Всех подобрали рано утром,
Понуро следом кони шли;
На рассвете хмуром, мутном –
Покой навечно обрели.

Похоронили ближе к полю,
Где только – что прошли бои.
Потомки, - разделяя долю,
«Казачьим», - поле нарекли.

КРЕСТ РОССИИ

От купола лишь крест остался,
Осели крепкие углы:
Огонь войны здесь постарался,
Иконы ж Боги сберегли.

Нет села. Но этот храм –
Под бурей, не склонив креста,
От имени солдатских мам,
Их отправляет на врага.

Пройдут года, умчатся грозы,
Дожди обмоют купола,
Со временем обсохнут слёзы,
Но Крест и Вера – навсегда.

За эту святость на Руси,
С незапамятных времён,
Уходили в бой полки –
С Христовым профилем знамён.

И стал народ непобедим,
Как бы враг ни старался:
Крест и Вера были с ним,
С ними так он и остался.

ПРИТЧА ПЛЕНЁННОГО СОЛДАТА

Я – раб! Я – твой изгнанник,
Любимая моя Страна!
Зачем же ты, как в назиданье –
Всё дальше гонишь от себя?

Мне нет пути к тебе назад -
По пресловутому Приказу;
С тобой я встрече был бы рад,
Но расстреляют меня сразу.

Никто не спросит: - Почему
Меня пленили в первый день?
Как мы встретили войну
Под шквал огня в июньский день?
Как нашли меня потом
Под трупами солдат?
Никто не спросит и о том:
Был ли я спасенью рад?

Шесть лет, как я в изгнании:
Все муки адовы прошёл,
И за все мои страдания –
Прощения так и не нашёл.

Раскидала нас по Свету,
С оскалом злобная война,
Но до сих пор верны Завету –
Родина у нас – одна!

ВСПОМИНАЯ КОМБАТА

Не страшился комбат
Ни воды, ни огня:
Воевал, как и все,
Никого не щадя.

Смерть под ручку брала,
Мимоходом браня,
Не давая ему –
Отойти от себя.

Всю войну отшагала,
Долго доброй была,
Но, похоже, устала
И в Берлине ушла.

Отшумели бои,
Откатилась война,
А комбата, - увы!
В плен взяла медсестра.

Майским лучиком дня
Расцвела их весна,
Их любовь увела –
От беды и огня.

ПОМНИМ

Уходил на войну,
Уходил воевать:
За Страну и семью,
За отца и за мать.

Уходил на войну,
Уходил умирать:
За невесту свою,
За братишку и мать.

Там вдали за рекой
Угасают огни,
Затихает и бой,
Где погибли они.

Всех кромсало войной –
Под Орлом и Москвой,
Где последний их бой –
Весть отправят домой.

Скрылось солнце вдали,
Громыкает закат;
Там отцы и сыны
Под крестами лежат.

ПОЛЕ ЖИЗНИ

Какой уж раз мне это снится:
Буд-то мы с отцом идём
По полю убранной пшеницы
И в два голоса поём.

Было это до войны:
По полю мы с отцом шагали –
Туда, где женщины вдали,
В снопы пшеницу убирали.

Там пионерский наш отряд –
Колоски в стерне искал:
От малышей до «октябрят» -
Свой урожай здесь собирал.

Война взяла свой урожай –
Отца и маму загубила.
Запомнил слово их: «Прощай!»
И даль дорог их проглотила.

На место взрослых дети встали,
И не по росту сапогах,
По полю этому шагали -
Труд свой видя в закромах.

А это поле издалёка
В памяти моей живёт,
Как назидание Пророка
И сердце почему-то жмёт.

СУДЬБА, СУДЬБА...

Первым дом отец покинул,
Годом позже брат ушёл.
В военном чреве папа сгинул,
Смерть братишка там нашёл.
Вскоре мамочка ушла:
На работе надсадилась
И ночью кровью изошла.

Ещё не кончилась война,
С фронтов солдаты не пришли,
А я одна! Совсем одна!
И беды скопом налегли.

А мне шестнадцать лет:
В школе не смогла учиться.
Не каждый день был и обед;
В шахту я пошла трудиться.

Привыкла я к той глубине,
К вечно мокрой одежке,
На откуп отдалась Судьбе,
Да и какой тут спрос с девчонки?

Женой в семнадцать лет я стала –
Разбитного паренька.
Нас одиночество венчало,
Но не скрепило навсегда.

Мы о любви не говорили,
Да и не было любви,
Мы просто вместе жили
До окончания войны.

Пришла опять ко мне беда –
Я влюбилась в капитана:
Любви отдалась вся до дна,
Буд-то выпила дурмана.

Муж, беременность заметив,
Молча вывел со двора.
Но, теперь на этом свете –
Жить я буду не одна!

ЦЕНА ТИШИНЫ

У разбитых стен Берлина,
Плакал радостно солдат,
Крепко обнимая сына,
Что было выше всех наград.

Не может слёз унять солдат –
Давно ведь сына схоронил:
С год, наверное, назад,
А он пред ним, и не вредим.

А дома, - уж который год,
По потребностям войны,
Ломают спину «Наш народ»,
Хотя то бабы, старики.

Там, на задворках тишины,
Без пожаров, стонов, воя,
Трудились люди, как могли,
И, даже, больше – для покоя.

На поле или у станка –
Всё больше женщины стояли;
Цель у всех была одна –
Чтоб на Фронте устояли.

А эти двое, - у стены,
Рук не разжимая,
Слышали конец войны,
Улыбаясь Свету Мая!

НЕ УБИТАЯ МЕЧТА

Он неба не хотел в крестах,
И звёзд потухших не хотел.
Хотел он слышать гомон птах
И чтобы цокал коростель.

Он это защищать пошёл
В свои семнадцать лет,
На фашистов был он зол –
За их везде кровавый след.

Когда же пулю он «поймал»
И рухнул на ходу –
Свой автомат к себе прижал,
Словно был ещё в бою.

Очнулся где-то ближе к ночи:
Вдали горели небеса;
Подняться не было уж мочи,
И небо накрывала тьма.

Но в этой самой темноте –
Мелькнула звёздочка вверху,
И улыбнулся он мечте,
Её увидев наяву.

НЕТ ПОМЕХИ ДЛЯ ЛЮБВИ

Шёл домой четыре года,
Ранен был и умирал,
Спасла сибирская порода,
Да любовь, что повстречал.

О любви солдаты пели
На привалах у костра,
Песни к женщинам летели –
Не долетая до конца.

Встретились почти случайно –
На переправе у Донца,
Приходил ночами тайно,
И ворковали до утра.

Затем – всё письма, письма, письма:
О встрече, - в них была мечта.
Любовь в войну – бескомпромиссна,
Она сердца обоим жгла.

Через год лишь сообщила,
Что сына родила.
И ещё она молила:
«Быстрее бы кончилась война!»

* * *

На развалинах Берлина,
На Рейхстаге написал:
«Благодарю тебя за сына!
День нашей встречи уж настал!»

БЕЗ СТРАХА И УПРЁКА

На носилках лазарета,
Где недавно шли бои,
Не смотря на пекло лета,
Мёрз солдатик без ноги.

Боль, порой, глушила разум,
Бросая тело в глубину
И это было раз за разом –
Пока не рухнул в тишину.

Очнулся только через сутки,
В вагоне стонущих бойцов,
Нащупав марлевые скрутки –
Понял всё без лишних слов.

Три года был в боях:
Ходил в атаку штыковую;
Давно уж заглушил он страх –
Войну не представлял иную.

Во время марша, на заре –
Шальная пуля прилетела:
Рванула разом по ноге,
В кости раздробленной осела.

* * *

Стучит колёсами вагон:
Везёт безногих, одноруких;
Слышен только тяжкий стон –
Глуша сердечные их муки.

ЖДИ МЕНЯ...

Июньским утром, после бала,
Влюблённые в садок ушли:
Девчонка парня целовала
И смеялась от души.

А он, лаская, прошептал:
«Я завтра ухожу служить»,
Повестку тут же показал,
И добавил: - «Будем жить!».
«Ты потерпи! Дождись меня!
Свадьбу сразу же сыграем,
Я одну люблю тебя
И этим сердце согреваю».

Пять лет она ждала,
Война уж поменяла краски,
Но нет без милого ей сна
И не нужны другие ласки.

Вчера записку передали,
На переходе со двора:
Её, похоже, долго мяли,
А в ней два слова: «Жди меня!»

* * *

Она сдержала своё слово –
Ждала его двенадцать лет;
Всё повторить смогла бы снова –
Ведь для любви преграды нет!

ПУХОВАЯ ШАЛЬ

Снег следы заметал,
Буд-то с нами шагал –
Уводя в партизанскую даль.
Я хозяйку избы горячо целовал,
Поправляя пуховую шал.
Обнимая её, я на ухо шептал:
- Сохрани расставанья печаль
И, как вымпел души,
Для меня сохрани,
Ты вот эту пуховую шаль.

Мне в боях повезло,
Я вернулся назад, -
Военной судьбине назло.
Но, где было село,
Лишь торчал палисад,
Всех куда-то войной разнесло.

На неторной тропе,
Крест в поклоне стоял,
Светила лампадка во тьме;
Он беду предвещал,
Он тянулся ко мне,
Он навстречу мне чем-то махал.
Снег, как тогда, - следы заметал,
В сердце, усилив печаль;
За меня нежно ветер ласкал –
На кресте том – пуховую шаль.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

В военной форме, без погон,
Который раз стоит у поля –
Любуясь всходами на нём,
Вспоминая свою долю.

Все поля он с детства знал,
Даже помнил их размер;
Много раз с отцом пахал –
Подавая тем пример.

Колхоз возглавил после службы,
Благо, был он здесь своим,
Скрепили общие всех нужды,
Посему и шли за ним.

Среднячком колхоз считался,
Но, никогда не отставал –
«Вывести» вперёд старался
Но тяжкий план тому мешал.

Пахали, сеяли – всё в срок,
Трудились каждый так, как мог,
Но государственный оброк -
С годами всё сильнее жёг.

В Мире было не спокойно,
По «финской» это он понял,

Да и здесь, - не очень стройно,
Народ за партией шагал.

Война всё разом разрешила
И все сомнения ушли;
Она же и народ сплотила,
Когда ушли все мужики.

«Бронью» мог бы он прикрыться,
«С бабёнками здесь воевать»,
Но не мог он с тем ужиться,
Ушел со всеми - воевать.

До Смоленска шёл боями,
Были жаркие деньки:
Всё, что создано годами –
Огнём фашисты «замели».

На днепровской переправе
Спустилась коршуном война:
Стал последним берег правый,
Там осталась и нога.

Прихромал он в свой колхоз
И то, что здесь увидел, –
Довело его до слёз, –
Всё пустили на погибель:
Колхоз, ведь, даже не стонал,
Он захирел и умирал.

С чего начать? Вопрос извечный,
И не всегда ответ готов:
Не должен быть он скоротечным,
Главное – без лишних слов.

Всем Законам вопреки –
Дворы скотиной укрепил,
Ожили дети, старики
И на колхоз хватило сил.

Народ опять ему поверил:
За год поднял «с колен» колхоз,
По часам дела измерил
И потянул свой тяжкий воз.

Так, в хозяйстве разорённом,
Продолжил он свои бои,
За народ непокорённый,
За это поле и сады.

ВСЕМУ СВОЁ ВРЕМЯ

В час затишья, меж боями,
В окопах или блиндаже, -
Писали письма жёнам, маме,
Без «страшилок» о войне.

Но вести эти, зачастую,
Обрывались навсегда.
В тылу читали весть иную,
Где всё изложила война.

Бывало, что в госпиталях,
Где-нибудь в тылу,
Плясал солдат на костылях –
Из дома радуясь письму.

В письмах всех одно и то же:
Как тяжело здесь без мужиков,
Как неизвестность сердце гложет,
Как детям сложно без отцов.

А девушки на фронт писали,
Что их любовь крепка навеки.
Большинство ещё не знали,
Что их любимые – калеки.

Жестоко! Но война расставит –
Всё, что было от души
И без догляда не оставит –
Чего мы стоим вне войны.

ПАМЯТЬ

Не говорите сейчас ерунды!
На могилах кресты и цветы,
Может быть, и уйдет та тоска –
Уверен: лишь после меня.

Я помню весенний тот бой,
Как меня прикрыл ты собой,
И, умирая, крестик свой снял,
Чтоб я сыну его передал.

Я боялся, но все-таки встал,
С тем крестом и с гранатой бежал,
Под «Ура!» на врага, на врага,
Но внезапно хлестнула мне мгла.

Много раз я друзей хоронил
В том прожорливом чреве войны,
И цветы я к крестам приносил –
В искупление чей-то вины.

... Солдата крест сынам отдал
И, провожая в ратный путь –
Клятву верности с них взял:
Живыми мне его вернуть.

КИЕВСКАЯ РУСЬ

Красот земных не перечесть
И не собрать их воедино,
Но Киеву я б отдал честь,
За то, что в нём неповторимо.

С него ведь начиналась Русь,
Здесь Крещение прошло:
Спешу сюда, я тороплюсь,
Майдан не видел уж давно.

Но он мне грозным показался —
От бурления толпы.
Крещатик также возмутился,
Богдана конь встал на дыбы.

С Подола кверху зашагал,
Где расположен Старый город,
У памятника трёх братьев встал —
Он историей мне дорог.

Повсюду золотые башни храмов
Из прошлого на нас глядят:
Уводя всех от обманов,
От глупости, что здесь творят.

С высот Андреевского храма,
Вижу прежний город-сад

И улицы в той панораме –
Церквями красят свой наряд.

Здесь каждый шаг – Святая Русь:
От Лавры до Софии.
Внезапно набегают грусть –
За удаление от России.

На Европейской площади стою,
В тени каштановых нарядов
И тихонечко пою –
Вместе с этим старым садом.

Но, князь Владимир с высоты –
Гневно взгляд на всех бросает,
Будто виноваты мы,
Что Русь великая страдает.

Скорей всего, он в этом прав:
Мы ведь доверились кликушам,
И, проявив особый нрав,
Разбежались все по кущам.

А Киев всё шумит, шумит –
Красоты не замечая:
К Европе обратил свой лик,
Но Русь корнями не пускает.

Я здесь останусь до утра,
Пройдусь по красоте ночной,
Скоро я вернусь сюда –
В российский окунусь покой.

СМОТРИ В ГЛАЗА...

Как часто в жизни нашей бременной,
В общей суете Вселенной,
Не замечаем мы подчас –
Пребыванья рядом глаз.

Они лучисты и строги,
Они небесной красоты,
Они ласкают и теплы,
Они и нежности полны.

Мне помнятся глаза печали,
Когда кроватку мне качали,
То были мамины глаза,
Как увезли от нас отца.

Я помню нежность этих глаз,
Как провожала в первый класс.
За шалость, помню, строгий взгляд.
Я видел, как они горят:
В ответ на то, что говорят,
На то, как много лет подряд –
Невежество и зло творят.

Слёзы видел на глазах –
От весточки печальной.
И видел в них, однажды, страх –
От гибели печальной.

А вот учителя глаза –
С укором часто нас встречали;
Мы не ведали тогда,
Что он готовил нас для дали.

Запомнил я подружки взгляд
И две пощёчины подряд,
За то, что я её обнял,
И первый раз поцеловал.

Два дня мы прятали глаза,
Друг на друга не смотрели.
Первой подошла она:
С лукавым взглядом, без метели.

Взгляд помню в майский день –
Солдата без ноги,
И, как дрожал под ним плетень,
От рыданья и тоски.

Был в жизни и прощальный взгляд,
Того безусого солдата,
Когда по нам ударил «Град»,
А мы стреляли с автомата.

Сколько лет прошло с тех пор,
Но вижу, как сейчас:
В том взгляде вызов и укор,
Да две слезиночки из глаз.

Можно жизнь всю перебрать
С заката – до зари;
Уверенно могу сказать,
Что ценен взгляд Любви!

ЧУТЬ-ЧУТЬ О СЕРЬЕЗНОМ

Не мог Обама без обмана
Европу под себя «подмять».
Он и Россию – очень рьяно,
Пытался полностью объять.

Мы внимали много лет,
Их ласкательное слово,
Но не забыли свой Завет,
Что Свята – Русь – всему Основа.

Обамы есть, Обамы были:
Нас «закрывали» много раз,
Но мы мужали и дружили
(Не нужно путать: нефть и газ).

Нас и теперь кругом «зажали»,
Пытаясь русский дух унять,
Но мы от прошлой «дури» встали,
И пошли «крушить», «ломать».

Обама ж памятью ослаб:
У нас Чекист в верховной Власти;
Он, при том, еще не слаб
И видит внешние напасти.

Предвидеть лишь могу одно:
(Во что, конечно, свято верю) –
«Подмять» Россию - не дано!
И этим сердце свое грею.

СВЯТАЯ ПАМЯТЬ

Держу в руке бокал вина –
Налитый до краёв,
И осушу его до дна –
За матерей и вдов.

Второй бокал я выпью стоя –
За братьев и отцов,
За тех, кто не вернулся с боя –
Определив в земле свой кров.

Поминальную свечу поставлю,
У иконы помолюсь,
Сынов Отечества прославлю,
Что бились за Святую Русь.

И Матерь Божью попрошу:
Надолго, на века –
Убрать проклятую войну
И в мире жить всегда.

Нам не нужна страна пожара,
Людского горя тяжкий вой.
Пусть божественная кара
Взмахнёт жестокою рукой:
Где вместо дружеского спора,
И песен славных хоровод,
Лишь на оружие опора,
Где в ярме живёт народ.

СОДЕРЖАНИЕ

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ	5
ВОЙНА...ВОЙНА...	7
ГОРОД НАД БУГОМ	9
ИСПОВЕДЬ	11
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (в память о блокадном Ленинграде)	13
САГА О МАРШАЛЕ ЖУКОВЕ	15
МЫ СТАЛИ ВЗРОСЛЫМИ ДЕТЬМИ	19
ПОКОЙ ЗЕМЛИ	21
КОЛЫМА	22
ПОСЛЕДНИЙ БОЙ	23
РАССКАЗ УЗНИКА	24
НА ВОЙНЕ НЕТ АТЕИСТОВ	27
ПУТИ-ДОРОГИ	28
ОТКРОВЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТНИКА	31
НЕПОКОРЁННОСТЬ	33
СОЛДАТАМ ВОЙНЫ	35

ПАМЯТНИК ГЕНЕРАЛУ СКОБЕЛЕВУ	37
ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ КОЛЧАКА	39
ЭТО ВРЕМЯ ПРОКЛИНАЮ...	41
РАЗМЫШЛЕНИЕ	43
ЛИШЬ ТРУБЫ ОТ ПЕЧЕЙ СТОЯТ...	45
ИСПОВЕДЬ ФРОНТОВИКА	46
ПОСЛЕ ПАРАДА	50
КАНТ	52
АФГАН	54
МУЗЫКА В НОЧИ	56
ЛАСТОЧКА	59
СОЛДАТ ОТЕЧЕСТВА	61
МОРСКОЕ ПРОЩАНИЕ	63
ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ	65
УЗНАЛА (Подражая Николаю Рубцову)	67
ИЗ СТИХОВ УЗНИКОВ ГУЛАГА	69
КРАСНОТАЛ	71
ЛЕЖАТ ДРУЗЬЯ НА РАЗНЫХ РУБЕЖАХ (Подражая Михаилу Борисову)	72

ДОРОГА К ХРАМУ	73
ГОРЯНКА	75
РУСЬ ОТ КРАЯ И ДО КРАЯ	77
ПОД ТОЙ БЕРЕЗОЙ БЕЛОСТВОЛЬНОЙ	80
ВСЁ ПЕРЕПУТАЛА ВОЙНА	82
ПЕСНЯ – СЕРДЦА ПЕЧАЛЬ	83
РАСПЛАТА	85
РЕКВИЕМ	87
ЧЕРТА ОТСЧЁТА	88
ВЕЧНО МОЛОДОЙ	89
КРАСКИ ВОЙНЫ	90
УХОДИЛИ ПОЛКИ НАВСЕГДА	92

ПЕСНЬ О ПИЛОТЕ	93
СМЕРТЬ СОЛДАТА	95
(Под впечатлением стихов Давида Самойлова)	
1. НОЧНАЯ ГРОЗА	96
2. СОРОКОВЫЕ	97
ОН НЕ БЫЛ СУЕВЕРНЫМ	98
ПЛАЧЕТ ДО СИХ ПОР СТАНИЦА	99
ПОБЕДА	101
ОФИЦЕРУ – «ШТРАФНИКУ»	103
В ДЕНЬ ПАМЯТИ И СКОРБИ	105
ДЕТИ ВОЙНЫ	107
НА ДЕТСКИЕ ПЛЕЧИ ПАЛА ВОЙНА	108
ОКРАИНА ПЕТЕРБУРГА	110
ЭХО ГОР	112
НАД МОГИЛАМИ КРЕСТЫ	114
ОН НЕ БЫЛ ХУЛИГАНОМ	115
ПРОВОДКА	117
ПОСЛЕДНИЙ БАЛ	118
УХОДИТ ДЕТСТВО	119

У СОЛДАТСКОГО ОГНЯ	121
СЛЁЗЫ ВОЙНЫ	123
ПЕРЕД РАССТРЕЛОМ	125
ЛАБИРИНТЫ ПАМЯТИ	126
ОБОБЩЕНИЕ	128
СМОТРИТ ПРОШЛОЕ В ГЛАЗА...	130
ПРИШЛА В СЕЛО ОПЯТЬ ВОЙНА	131
ПРОШЛОЕ СЕГОДНЯ	133
МЫСЛИ РЕПРЕССИРОВАННОГО	135
ЖЕСТОКАЯ РАСПЛАТА	137
СУДЬБА СОЛДАТА	138
НА ЗАПАД, НА ЗАПАД...	139
СЫНОВЬЯ ОТРАДА	140
БРАТИШКА	141
РУБЕЖ У ПОЛЯ РЖИ	143
РАССКАЗ БЕЛОРУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ	144
ПРИКАЗ ВЫПОЛНЕН ...	145
ОТ ВРАГА К ВРАГУ ПРИШЛИ	146

КРИК...	148
В ЧРЕВЕ ВОЙНЫ	149
ЗА БУДУЩЕЕ ОН ВОЕВАЛ...	150
КАЗАЧЬЕ ПОЛЕ	152
КРЕСТ РОССИИ	153
ПРИТЧА ПЛЕНЁННОГО СОЛДАТА	154
ВСПОМИНАЯ КОМБАТА	155
ПОМНИМ	156
ПОЛЕ ЖИЗНИ	157
СУДЬБА, СУДЬБА ...	158
ЦЕНА ТИШИНЫ	160
НЕ УБИТАЯ МЕЧТА	161
НЕТ ПОМЕХИ ДЛЯ ЛЮБВИ	162
БЕЗ СТРАХА И УПРЁКА	164
ЖДИ МЕНЯ ...	166
ПУХОВАЯ ШАЛЬ	168
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ	169
ВСЕМУ СВОЁ ВРЕМЯ	172

ПАМЯТЬ	173
КИЕВСКАЯ РУСЬ	174
СМОТРИ В ГЛАЗА...	177
ЧУТЬ-ЧУТЬ О СЕРЬЁЗНОМ	180
СВЯТАЯ ПАМЯТЬ	181

Литературно-художественное издание

Горх Вольдемар Александрович

ВОЙНА, ВОЙНА ...

Сборник стихотворений

В авторской редакции

Корректурa автора